

Юлия
АНДРЕЕВА

РЫЦАРЬ
ГРААЛЯ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Юлия Андреева

Рыцарь Грааля

«ВЕЧЕ»

2017

Андреева Ю. И.

Рыцарь Грааля / Ю. И. Андреева — «ВЕЧЕ», 2017 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4444-9229-1

Франция XII века – эпоха благородных рыцарей и прекрасных дам, когда доблесть и честь ценились превыше всех сокровищ, а талант трубадура мог принести славу и богатство. Именно такая судьба уготована трубадуру по имени Пейре Видаль. Он родился в простой семье, но вид его так благороден, а манеры так обходительны, что этого юношу можно принять за принца. Ему суждено занять достойное место при дворе Ричарда Львиное Сердце и покорить сердца множества женщин, а затем его имя станет легендой. Согласно преданию, именно Пейре Видаль вынес из погибающего Монсегюра Святой Грааль, став доблестным хранителем легендарной Чаши!

ISBN 978-5-4444-9229-1

© Андреева Ю. И., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ	6
ВЫДУМКА СТАРОГО ПРОЙДОХИ И ПРЕДСКАЗАНИЕ	8
ТУЛУЗСКОЙ ВЕДЬМЫ	
О ПЕРВОМ УЧИТЕЛЕ ПЕЙРЕ, БРОДЯЧЕМ МОНАХЕ	13
ХРИСТОФОРЕ И ЕГО КНИГАХ	
О ЧУДЕСНОЙ БЕЛОЙ ЛЮТНЕ И ПЕРВОМ ОТКРОВЕНИИ ПЕЙРЕ	17
О РЫЦАРЕ И МАСТЕРЕ ОДНОГО УДАРА ЛУИ ДЕ ОРНОЛЬЯКЕ	19
О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ С ДРУЗЬЯМИ ПОДГЛЯДЫВАЛИ ЗА ГОЛОЙ	23
БАБОЙ, И ОБ АНГЕЛАХ НЕБЕСНЫХ	
АГНЕСС – КОРОЛЕВА НОЧИ	27
О ТОМ, КАК ОПРЕДЕЛИЛАСЬ НАКОНЕЦ СУДЬБА СЫНА	31
КОЖЕВНИКА – МЕНЕСТРЕЛЯ ПЕЙРЕ	
О ТОМ, КАК ПРОШЕЛ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПЕЙРЕ ВИДАЛЯ НА	35
ТРУБАДУРСКОМ ПОПРИЩЕ	
О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ ВСТРЕТИЛ ПОСЛАНИКА ИЗ ЗАМКА И	40
КАКИЕ ТОТ ПРИНЕС ВЕСТИ	
О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ НЕ БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН НА ТУРНИР	43
О ПОЭТИЧЕСКОМ ТУРНИРЕ И О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ	46
СПАС ПРИНЦА ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЯ	
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Андреева

Рыцарь Грааля

© Андреева Ю. И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

*Ну а теперь сочтем уместным
Начать о доблестном и честном,
О гордом рыцаре рассказ...*

Вольфрам фон Эшенбах

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ

Когда в доме кожевника Пьера Видаля в первый раз закричал новорожденный ребенок, над Тулузой вставало солнце. Огромное и красное, как дородная повитуха, оно вылезало из-за горизонта, наливаясь силой. Тут же, как по команде, со всех сторон заголосили петухи и запели птицы.

Старый Пьер, которого женщины с ночи выгнали из дома, – и поэтому он был вынужден все это время слоняться под окнами, – заслышав детский плач, упал на колени и быстро зашептал молитвы, восхваляя Бога Отца, Сына и Святого Духа, Деву Марию и солнце, которое явилось приветствовать его долгожданного первенца. И которое теперь сияло на небе как предзнаменование счастья и радости. Солнце светило в поилке для лошадей, драгоценными камнями поблескивало в траве, играло на спелых, точно переполненных летом и любовью ягодах винограда, делая их янтарными.

– Солнце! Над моим ребенком горит не звезда, а целое солнце! – воскликнул Пьер и, перекрестившись и сняв шляпу, вошел в дом. На постели у стены лежала его красавица жена, дочь сапожника из Перигора Жанна, а рядом, завернутый в добротную белую ткань, – ребенок. Пьер бережно провел рукой по влажным каштановым волосам жены, и она, поймав его руку, приложилась к ней поцелуем. Пьер не мог говорить, переводя взгляд с жены на крошечного младенца и не зная, есть ли в мире что-нибудь лучшее, чем эти два бесконечно дорогие ему человека.

– Поздравляю, господин кожевник. У вас сын, – прошептала за спиной Пьера толстая повитуха.

– Сын! – Жанна протянула ему сверток, и Пьер первый раз коснулся губами горячего лобика младенца.

– Пейре! Я назову его Пейре! – Пьер встал и, не видя никого и ничего кроме своего новорожденного сына, вышел во двор.

Пробужденные солнцем соседи выходили из домов, пастух гнал пятнистое стадо коров, где-то слышалось призывное ржание лошадей. Пьер поднял над головой ребенка и показал его солнцу.

– Это мой Пейре! Мой сын! Запомните все – Пейре Видаль родился!

– Кто это у тебя, Пьер? – услышал он за спиной голос старой коровницы Марии.

– Сын. Господь подарил мне сына!

Радость переполняла душу кожевника, и он, едва выслушав благословения старухи, сорвался с места и, прижимая к себе драгоценный сверток, пошел туда, куда пастух гнал стадо. Пошел в поле, где пригорки покрыты розовыми и синими цветами, где растет огромный, держащий небо и землю священный дуб. В былые времена этому дереву поклонялись, в мае на этих лугах устраивались праздники и веселье. Несмотря на то что старый дуб явно имел отношение к чужим богам и каждую весну на нем появлялись разноцветные ленты и колокольчики, у святых отцов руки не поднимались срубить прекрасное дерево. Ведь Бог есть любовь. А разве любовь может хотеть загубить такую красоту?..

Пьер обошел дуб, по привычке поклонившись ему, и побрел в лес, на странную, совершенно круглую поляну.

Бабка учила Пьера, что если встать в центр круга, лицом к священному дубу, то все, о чем только ни попросишь, непременно сбудется. С самого детства Пьер приходил в священное место и молился там Иисусу и Деве Марии, молился незнакомым богам, жившим когда-то в этих местах и сохраняющим тайную власть над ними. Молился о том, чтобы стать хорошим мастером, чтобы красавица Жанна, повстречавшаяся ему как-то на ярмарке, полюбила его и чтобы ее отец согласился отдать дочь за Пьера. Молился, много лет молился он о наследнике, и

вот теперь он пришел благодарить небо и просить дать его долгожданному сыну самую лучшую на всем белом свете долю.

Когда Пьер с ребенком на руках вошел в центр круга, над ними зазвенела золотыми переливами песня жаворонка.

ВЫДУМКА СТАРОГО ПРОЙДОХИ И ПРЕДСКАЗАНИЕ ТУЛУЗСКОЙ ВЕДЬМЫ

Пейре рос здоровым и красивым мальчиком, соседи невольно засматривались на его золотые длинные локоны, которым могла бы позавидовать любая девочка, и зеленые веселые глазки. Жанна пошила Пейре белое льняное сюрко¹ и синие штаны, украсив все это золотыми застежками, которые она смастерила из лесных орешков. Орехи она специально выкрасила золотой краской, так что они горели на солнце. В этом костюме прохожие принимали мальчика за сына вельможи и кланялись ему.

Когда Пейре исполнилось три года, мать решила отвести его к ведьме, землянка которой ютилась около знаменитого Обрыва грешницы. Поговаривали, что в незапамятные времена дочь знатных и богатых родителей, история не сохранила ее имени, влюбилась в жениха своей сестры и, не добившись взаимности, отравила всю семью. Сама же девушка то ли задавилась на собственных косах на дереве у обрыва, где она так часто мечтала о любимом, то ли сбросилась в пропасть. Но произошло ли это от неразделенной любви или из-за мучавшей ее совести, никто толком не знал.

Мутная это была история, да и вряд ли такое было на самом деле. В Тулузе истории грешницы никто всерьез не верил, но о ней было приятно рассказывать. Проезжие жонглеры² и трубадуры неизменно просили привести их на знаменитый обрыв, где они слагали свои печальные песни.

Да и платили местным крестьянам и горожанам кой-какие деньги за показ обрыва и интересный рассказ. Оттого и история грешницы раз за разом обростала новыми невиданными подробностями.

Поговаривали, что даже ведьма жила у опасного обрыва, в надежде заманить к себе проезжих щеголей, да и обобрать их при помощи гадания и притягивания всяческой удачи и монаршей милости.

Именно за предсказанием судьбы к Обрыву грешницы вела теперь своего сына Жанна. Проходя мимо трактира «Три цыпленка», она кивнула сидящим там соседям, некоторые из них в знак приветствия приподняли шляпы.

– День добрый, Жанна! Привет, Пейре! – раздалось сразу несколько голосов. В жаркое время папаша Дидье усаживал посетителей прямо во дворе под раскидистыми деревьями, где они и промывали глотки от первых петухов до последних соловьиных трелей.

– Пьер-то наш видать совсем выжил из ума на старости лет? – Пьяный конюх проводил Жанну и Пейре насмешливым взглядом и, убедившись, что они уже достаточно далеко, чтобы слышать его, продолжил: – Бабенка-то у него, может, и хороша, да, пожалуй, блудливая, стерва. С кем, интересно, прижила такого королевича?! – Он хлебнул еще вина и вопросительно уставился на своих компаньонов.

– С кем, с кем... Не пойман – не вор. А не знаешь доподлинно, так и не говори, – заступился за Жанну прогуливающий свой недельный заработок ученик гончара.

– Не пойман... Хорошо сказать – не пойман, когда вот они, доказательства, налицо. Малыш-то ни в мать, ни в отца, а в проезжего подлеца. Только не разберу я – кто у нас такой светлый? Не иначе как стерва с кем из замка снюхалась, когда гостила у своей кумы, что в кормилицах у графского внука была.

¹ Сюрко – длинная верхняя одежда типа рубахи, применяемая как для мужчин, так и для женщин.

² Жонглер – певец, музыкант, рассказчик. В средневековой Франции жонглеры считались рангом ниже, нежели трубадуры, которые нередко нанимали жонглеров для музыкального сопровождения своих песен.

– Может, и с кем из рыцарей. Теперь не угадаешь. – Давно слушавший разговор собутыльников трактирщик поставил на стол миску с аппетитно пахнущими горячими бобами и присел рядом.

– Я одного не могу понять, – не унимался конюх, – неужто Пьер не видит, что воспитывает ублюдка.

– Черт разберет этих Видалей. – Трактирщик жестом приказал принести себе вина и, едва только трактирный мальчишка поставил личную кружку хозяина на стол, тут же ополовинил ее. – Жара. Думаю, не только знает, но и заранее потирает руки в надежде на барыши от настоящего папаша. Потому и рядит мальчишку что знатного барона, чтобы не ровен час шпионы отца не донесли, что, мол, Пейре плохо живет. Его отец, должно быть, не из бедных рыцарей, это... – Он почесал в затылке. – А действительно – кто бы это мог быть? Альфонс Маринье, конечно, рыж, да только на лицо весьма паскуден. От такого путного ребенка не родить. Тубо – пока его башка не стала гола как колено вроде был черен, Жиро Борнель³ – трубадур – светлый бес, да не так, как этот мальчишка. Наш-то Пейре, что солнышко зеленоглазое. Строен, пригож, светел...

– Светел лицом, волосы что солнце – слышал я о таком рыцаре, – к собутыльникам приблизился старый одноглазый лекарь и тут же расположился на скамье рядом с учеником гончара.

Вся компания застыла в ожидании продолжения, меж тем лекарь лишь потирал руки да ежился словно от холода.

– Кого имеешь в виду, уважаемый? – Трактирщик окинул взглядом двор и, не найдя слугу, сам отошел к стоящей в тени бочке и, зачерпнув в первую подвернувшуюся кружку молодого вина, вернулся к компании. – Угощайся, почтенный, да и говори, коли что знаешь.

– Что-то да знаю, – лекарь усмехнулся в белую бороду и отхлебнул из кружки. – Все мы что-то да знаем. Только не все этим знанием пользоваться умеют, не все знают, с какого бока на знания эти смотреть нужно, как их раскрыть. Вот в чем истинная мудрость философа, достойная древних.

– Ты ври, да не завирайся, почтенный, – конюх терял терпение, к тому же с его стороны особо нещадно палило солнце, и он уже был весь мокрый от пота. – Говори или молчи совсем.

– Зачем ты так, Поль? – старик улыбнулся в усы, отчего вдруг сделался похожим на доброго волшебника из давно позабытой сказки. – Возможно, ты тоже знаешь ответ на свой вопрос. Давай-ка лучше вместе пораскинем мозгами. Настоящий отец Пейре должен быть рыцарем, иначе у ребенка не было бы такой нежной дворянской кожи, таких золотых волос, такой стати. И надо сказать, такого ума.

Собутыльники притихли, ожидая развязки.

– Итак, он рыцарь, причем рыцарь знаменитый и прекрасный. Образец рыцарства, красоты и чести. Он как солнце среди звезд и планид, – рассказчик обвел взглядом напряженные лица слушателей и, отхлебнув еще вина, продолжил: – А теперь скажите мне, добрые христиане, кто красив как бог, высок что гора, благороден и родовит? Кто среди рыцарей как солнце среди звезд? Кто обладатель Божьей милости и всяческих достоинств, как не... – он выждал паузу. На секунду показалось, что смолкли все птицы, и даже мухи перестали жужжать и кружиться вокруг стола в поисках лакомства. – Кто как не король!

Трактирщик было поднялся и тут же рухнул на скамью, чуть не свалив ее при этом. Все молчали.

– Но откуда в наших местах король?! – голос конюха сорвался и сделался тонким и скрипучим. Он закашлялся, и трактирщику пришлось хлопать его по спине.

³ Жиро (Гираут) Борнель – трубадур из Лангедока, признан лучшим трубадуром (по мнению публики, превзошел Вентадорна).

– Тоже мне – король. Придумал так придумал, – папаша Дидье чувствовал себя потерянным. Над дорогой, по которой ушли Жанна и Пейре, поднималось золотое облачко пыли.

– И не сомневайтесь, Пейре – сын короля Англии Генриха Второго⁴ и дамы Розамунды⁵, которую от ревности отравила королева Элеонора, как раз в год, когда родился наш Пейре! Вот как. Она бы и ребенка невинного не пожалела, но он уже далеко был!

– Но нашего Пейре родила Жанна! Про то знает повитуха и моя жена помогала, и может подтвердить... – трактирщик хватался за ускользающую реальность.

– А хоть и Жанна, но отец точно Генрих Короткий Плащ. И четыре года назад был здесь похожий англичанин на турнире. Это каждый скажет. Генриха-то не зря Коротким Плащом прозвали – а тот пришлый рыцарь единственный был в куцем плаще. Так что как хотите, а Пейре Видаль – сын короля Англии. А сын короля рано или поздно становится королем. Даже незаконнорожденный. В своей стране или в какой другой, но становится, так же как сын трактирщика будет трактирщиком.

– Так Жанна, что ли, родила нам принца? – Ученик гончара приметил в тени под яблоней развалившегося в блаженной истоме трактирного слугу и, бросив в него огрызок яблока, приказал принести еще вина.

– Поживем – увидим. – Лекарь допил свое вино и, поклонившись папаше Дидье и всей честной компании, поспешил восвояси.

Вдохновленные новой идеей пьянчужки продолжили обсуждение судьбы Пейре и того, что произойдет в Тулузе после того, как король Англии признает в мальчишке наследника.

О, прекрасная воспетая трубадурами Тулуза – благословенный край, избранный творцом местом нового поэтического рая. Да прибудет вечно с тобой Церковь Любви⁶, да не оскудеет рука дающего, не перегорят сердца любящих, не смолкнут в веках серенады и нежные кансоны⁷.

Тулуза – где огромные, чистые звезды опускаются к самой земле, точно волшебные яблоки на ветвях мирового дерева. Где небо так близко к земле, что вся она изнывает от блаженства и предвкушения любви. Где любовь витает в воздухе, и в любое время звучит музыка. Нежная, страстная, прекрасная Тулуза – тебе пою!..

Пейре так и не понял, отчего склонившаяся над большим котлом бабка в широких грязных одеждах и со всклокоченными волосами вдруг застонала, отмахиваясь от него, точно от страшного видения. Ему лично старуха понравилась, и землянка ее с подвешенными к потолку травами и сушеными змеями его позабавила. Но особенно полюбила Пейре огромная, приутившаяся на специальном насесте, сова. Такого мальчик никогда прежде не видел, ни в доме отца, ни в мастерской, ни в церкви.

– Почему ты гонишь нас? – удивилась Жанна, на всякий случай хватая сына за руку и не разрешая ему баловаться. Несмотря на давнее знакомство со старой Наной, в жилище ведьмы ей было не по себе.

– Потому что... – бабка поспешно водрузила крышку на котел и, уперев сухие руки в тощие бока, посмотрела на мальчика. – Вот он каков, твой сынок! – она усмехнулась и поманила к себе ребенка. – Светлый он для меня. Хорошо хоть свет его добрый, здесь я видеть

⁴ Генрих II Плантагенет, по прозвищу Короткий Плащ (*англ.* Henry II Curtmantle), первый английский король из династии Плантагенетов. Титулы: герцог Нормандии (1150–1189), граф Анжуйский, Турский и Мэнский (1151–1189), герцог Аквитании (1152–1189), король Англии (1154–1189), суверен Ирландии (1171–1175).

⁵ Джоан Клиффорд вошла в историю как «Прекрасная Розамунда» благодаря своей неземной красоте и тем, что являлась любовницей Генриха II. Свое второе имя она получила от латинского Rosa Mundi – «прекрасная роза мира».

⁶ Церковь Любви – церковь катар. Катары – противники католической церкви, считающие все материальное дьявольщиной.

⁷ Кансо́на (*окс. canso*, «песня») – песнь, созданная окситанскими трубадурами и впоследствии перешедшая во многие другие языки. Окситанское слово вошло в употребление не ранее 1170 г., вытеснив старинное *vers* («стихи»).

еще могу. Но что ты, Жанночка, хочешь услышать, неужто у самой глаз нет, чтобы понять, не нашего это полета типа. Для других небес, небес высоких.

Ведьма села на лавку, пристально смотря на мальчика и одновременно затягивая в узел грязные волосы.

– Это я и сама знаю, – Жанна говорила тихо, боясь спугнуть наставляющего бабку духа или ангела. Мало кто в Тулузе знал, что старуха приходится ей крестной матерью и духовной наставницей. – Можешь ты рассказать, что именно ждет моего Пейре и как нам помочь Господней воле или хотя бы не встать ей поперек?..

– Господней воле помешать нельзя. В нем она слишком сильно проявлена. А помочь, помочь можно... – бабка склонилась к уху Жанны. – Когда придет время – отпусти его с миром. У него другая дорога. У него другая судьба.

– Я бы хотела, чтобы он стал...

– Совершенным?⁸ Одним из тех, кто преломляет хлеб и раздает его с благословением верующим? Забудь. Твой Пейре щедро наделен другими талантами, и таланты эти скоро себя проявят. Будет он вечным паладином любви, чистым рыцарем, певцом и поэтом. Господь наделил его красотой и умом, страстью и радостью. Пейре вознесется в небеса золотым жаворонком, чтобы песня его лечила страждущих. Он будет нести в себе мед поэзии и питать этим медом божьи чада, потому что не хлебом единым, но хлебом духовным...

– Верно ли, что не станет он катаром? – Жанна была заметно разочарована.

– Точно. И не проси, чтобы я на старости лет золотую с серебряной дороги путала. Здесь все яснее ясного, да не изгадится свет тьмой. Вижу корону на голове твоего Пейре, вижу его в злате и пурпуре на белом коне. Вижу ангелов, что будут спускаться, чтобы наставить сына твоего на путь истинный, провозглашать через него свою волю. Странная судьба и дивная... – ведьма умильно улыбнулась во весь свой щербатый рот и кивнула кому-то под потолком. – Все как есть передала. Да... А про Грааль сказать? Или пока не надо? Что же, воля ваша – про Грааль, так про Грааль...

– Что про Грааль? – Жанна схватила старуху за руку, на минуту выведя ее из окутавшего ее невидимого облака счастья.

– Найдет твой сын Грааль... – Нана пожала плечами. – Понятия не имею, что это означает, говорят, будто бы найдет и потеряет, но силу его успеет передать... Говорят, быть ему до тридцатой весны рыцарем Грааля... Сама не понимаю, что иной раз жители небесные бормочут. Ну да ладно, Жанночка, шла бы ты домой и королевича своего забрала. Он поди давно уже есть хочет; а у меня в доме только сове еда есть, да и то потому, что она под лавкой в норе питит.

Жанна положила перед ведьмой узел с гостинцами и, поклонившись, окликнула как ни в чем не бывало гладившего косматую серую птицу Пейре. Воспользовавшись тем, что взрослые оставили его в покое, он пододвинул к насесту кресло и теперь гладил ничего не соображающую со сна сову. Жанна охнула и взяла ребенка на руки.

– Прощай, мать. Здравья тебе.

– И вы будьте здоровы, деточки, – ведьма утомленно махнула им рукой.

– Мне показалось, ты Совершенных не шибко-то любишь? – уже в дверях задала мучавший ее вопрос Жанна. – Отчего же так? Что не поделили?

– Церковь Любви свои дела вершит, а я свои. Мы друг другу не мешаем. А ты, что же, слышала, будто я иной раз на их территории оказываюсь, так мои бы границы кто уважил. – Нана зевнула. – Опять же страждущим и они помогают, и я стараюсь чем могу. У них свои людишки, у меня свои. Любовь любовью, а я с ворожбы живу, оттого своих чад не отдаю. Твой-

⁸ В катарской Церкви Любви катары разделялись на Совершенных – тех, кто проводил службы, и верующих – обычных прихожан.

то муженек поди за своих клиентов держится, другим не передает. Так чего же от меня хотите, чтобы я распахнула все двери – заходите, добрые люди, берите что плохо лежит!

– Работа работой, кто бы спорил, – Жанна пожала плечами. – Только мне кажется, что ты их все же недолюбливаешь.

– Мне с ними не любиться. Стара я стала для таких дел. А не люблю потому, что они требуют, чтобы я два раза в год на Иванов день и в день мучеников мылась да патлы расчесывала. Как будто не знают, что от воды недолго и заболеть.

Жанна еще раз поклонилась и, с трудом сдерживая хихиканья, вышла на свет божий.

О ПЕРВОМ УЧИТЕЛЕ ПЕЙРЕ, БРОДЯЧЕМ МОНАХЕ ХРИСТОФОРЕ И ЕГО КНИГАХ

Пейре было шесть лет, когда отец решил обучить сына грамоте. В учителя же кожевник избрал пришедшего старого монаха – отца Христофора из Безьер. Злая судьба да разгулявшаяся шесть лет назад в Провансе холера извела всех братьев отца Христофора, а сам он был вынужден бежать из зараженного и проклятого места.

С тех пор старик начал странствовать из города в город, из деревни в деревню, прося подаяние и рассказывая свою страшную повесть.

Много братств и монастырей предлагали несчастному скитальцу свой кров и келью для уединенных молитв, но он никого не слушал и все шел, шел, шел... Так и странствовал он, не смея остановиться, точно боялся, что погребальный огонь костров, на которых сжигали умерших от холеры, захватит и его.

В Тулузе монах любил «спасаться от холеры» с осени, когда созревал виноград и хозяйские детишки давили его голыми ногами. Обычно, приходя в город, монах прилеплялся к какому-нибудь кабачку, где потчевал посетителей своей историей или читал вслух отрывки из книг, что всегда носил с собой. Евангелие от Иоанна и «Жизнеописание славного рыцаря, благородного сэра Каркасора, его дамы, несравненной донны Франциски, и их трех браков». Обе книги были любимы в народе, и Христофора какое-то время кормил и поил от щедрот своих хозяин трактира, в котором давал свое представление монах.

Затем, когда обе книжки были несколько раз прочитаны и все истории пересказаны, монах перебирался в другой трактир, где все начиналось с начала.

Поговаривали, что на самом деле Христофору нравилась кочевая трубадурская жизнь, оттого он и не пытался где-либо осесть, летая, словно забывший обо всем на свете и не помнящий себя самого желтый осенний лист. Другие подозревали в монахе великого грешника, спасшегося от холеры при помощи операции, а именно при помощи вскрытия гнойников. Отчего у него на теле должны были остаться шрамы. Их-то и скрывал несчастный старик, странствуя по свету и не смея нигде остановиться, чтобы обрести наконец покой.

В том, что старый пройдоха Христофор согласится обучать Пейре различным наукам, а не смоемся из Тулузы, получив пару монет, кожевник был уверен. О том, что старик никуда не денется из благословенного края до той поры, пока его там поят, можно было не беспокоиться, потому что всем винам на свете Христофор предпочитал популярный в народе сорт Дармовое. Которому он был верен на протяжении многих лет безукоризненно-беспробудного пьянства. Так что если быть мудрее и оплачивать труды монаха жидкими монетами, он и носа не повернет на сторону. Тем более до весны.

Пьер нашел монаха в таверне толстой донны Матьоле. Одинок сидел отец Христофор в уголке, взвешивая на сухенькой ладошке потертые медяки и прикидывая, заказать ли себе миску похлебки в расчете на то, что вино оплатит кто-нибудь из местных пьянчуг, или, не дожидаясь милости судьбы, промочить горло на собственные скудные средства.

Завидев Пьера, он поспешно поднялся, трясаясь и мелко кланяясь, так что казалось, вот-вот на стол с его давно нечесанных серых патл полетит обильный урожай вшей.

Пьер сел рядом с монахом, кивнув в сторону дородного бочонка с молодым вином. Трактирный слуга поспешно обтер тряпичной салфеткой стол, на который тотчас были поставлены две глиняные кружки, доверху налитые терпким молодым андалузским, особо чтимым в этих краях.

Мужчины выпили молча. Монах не сводил любопытного взгляда с Пьера, недоумевая, что тому могло понадобиться от бедного старика, и из вежливости и уважения помалкивал. Наконец Пьер отер губы рукавом и велел Христофору следовать за ним.

В тот день Пейре, Жанна и еще несколько соседей, затаив дыхание, слушали историю славного рыцаря, благородного сэра Каркасора из Прованса и его дамы, несравненной донны Франциски, на которой тому выпало жениться целых три раза.

Среди благородных рыцарей, и тем более дам, эта история считалась настолько скабрёзной и неприличной, что читали ее обычно в узких компаниях, и мужчины отдельно, а женщины отдельно, после чего любой из прочитавших или услышавших притчу в содеянном не признавался. Народ же бесхитростно любил посмаковать подробности любовных приключений знати, отчего книга никому не известного донныне автора заучивалась дословно и передавалась изустно от соседа к соседу.

Вот она:

**Жизнеописание славного рыцаря,
благородного сэра Каркасора,
его дамы, несравненной донны Франциски,**

и их трех браков

Когда-то давно жил на свете славный рыцарь, поборник чести и добра, благородный сэр Каркасор. И не было в ту пору человека более честного и благородного, чем сэр Каркасор. И не было поединщика отважнее его.

Немало турниров почтил своим присутствием благородный Каркасор, ломая копья в честь прекрасных дам, и не раз венец победителя венчал его голову.

Был он и весьма искусен в стихосложении и искусстве миннэ. – Здесь отец Христофор был вынужден прервать рассказ и, обратившись к слушавшему его с открытым ртом Пейре, объяснить, что божественное миннэ есть искусство рыцарского служения прекрасной даме, которое было подарено трубадурам спустившимся с небес соколом.

После того как мальчик уразумел слова монаха, тот смог продолжить свой внезапно прерванный рассказ:

– Был рыцарь Каркасор доблестным воином и отменным поэтом, и так продолжалось до тех пор, пока славный рыцарь Каркасор не повстречал единственную даму, красота которой поразила его в самое сердце. На милость ее голубых глаз рыцарь сдался в бессрочный плен. Год он воспевал красоту и целомудрие мадонны Франциски, после чего она даровала ему свой поцелуй и кольцо любви пред ликом Девы Марии, в присутствии отца Иоанна в часовне церкви Святого Петра Ключника. Отец Иоанн заключил перед Богом нерасторжимый союз двух любящих сердец.

Но время шло, и отец прекрасной Франциски, видя ухаживания рыцаря Каркасора, слыша его горестные стоны и любовные песни, решил за благо поскорее выдать дочь замуж.

– Но почему отец решил выдать донну Франциску замуж, когда она уже была обвенчана с сэром Каркасором? – осмелилась прервать отца Христофора Жанна.

– А потому что священный союз, заключаемый между трубадуром и его дамой, есть обет целомудренной любви, и здесь рыцарь Каркасор, который был и остается образцом куртуазного служения дамам, упустил, мне кажется, существеннейшую деталь, – монах сделал паузу, весело оглядывая напряженные лица слушателей. – Обычно трубадур избирает госпожой сво-

его сердца замужнюю женщину, которой он служит с целомудренной чистотой. Донья Франциска же была юной девушкой, не знавшей мужской любви. Ее отец прочил выдать дочь замуж за знатного рыцаря, в то время как сэр Каркасор хоть и отгонял всех влюбленных в нее рыцарей, но сам жениться не собиравшись, свято соблюдая законы высшей любви.

– Сам не ам и другим не дам, – Пьер неодобрительно покачал головой и посмотрел в окно на полыхающее закатом небо. – Не понимаю я господ рыцарей: любишь – женись, хозяйство веди, детей плоди.

– В конце концов сэру Каркасору пришлось жениться на своей даме, сочетаясь с ней вторым браком в церкви Святого Себастьяна в присутствии многочисленной родни, – затараторивший было монах остановился, переводя дыхание. Какое-то мгновение ему показалось, что возмущенный хозяин теперь остановит рассказ, в то время как отец Христофор больше всего на свете, больше еды, уютного тюфяка с соломой, больше даже хмельного вина жаждал повторять давно заученные истории, без которых он уже не мыслил своего существования.

– Сэр Каркасор и правда женился на своей возлюбленной, – продолжил он перебирать привычные четки слов. – Но только брак этот был по-прежнему совершенным и чистым. Сэр Каркасор и его юная жена жили как брат и сестра, как два небесных ангела, любя друг друга и не оскверняя эту возвышенную любовь мирской страстью.

Прошли пять лет, и родители донны Франциски и родственники сэра Каркасора начали пенять ей на отсутствие наследников. Когда же она в святом простодушии своем поведала о причине, по которой они не могут продолжить славный род, семейный совет пришел в ужас.

Тогда родственники сэра Каркасора пригрозили Франциске, что ежели она не понесет в течение года, святая церковь расторгнет этот брак, сочтя его еретическим и нечистым.

Донна Франциска залилась слезами. Но что могла она сделать?!

Расстроенная донна обратилась к мужу, но тот и слушать ничего не хотел.

– Я надеялся прожить с тобой чистой жизнью, чтобы мы могли умереть в один день, не оставив после себя сирот, которым придется оплакивать нас. Разве не знаешь ты, как страшно бывает душе, когда она покидает мир с мыслью об оставленных в нем? Неужели сердце твое не сожмется от жалости и чувства вины? Неужели ты думаешь, что сумеешь тогда собраться с силами и лететь, не оглянувшись ни на миг, к престолу Творца?!

Но прекрасная Франциска не знала, что ответить своему возлюбленному супругу. Она только горестно вздыхала, предчувствуя недоброе и заранее оплакивая свою судьбу.

Да и что она могла сделать: муж хотел жить с ней чистой и праведной жизнью, в то время как родственники требовали от нее выполнения долга женщины и грозили развести супругов, а то и запереть их обоих в монастырях.

В слезах Франциска пала на грудь своей матери, почитаемой донне Диламее, моля ее помочь найти правильное решение.

И вот что придумала благородная донна Диламея: она повелела слуге проследить, куда ходит сэр Каркасор, покидая замок, где любит бывать и что делать.

Слуга следил за сэром Каркасором неделю. И выяснил, что тот повадился в кабачок «Грешник и роза», где пьет вино, при помощи кулаков и плетки учит чернь хорошим манерам да смотрит на танцы цыганки Люциты.

Донна Диламея велела слуге рассказать, видел ли он танцовщицу Люциту и как та ему показалась. Слуга краснел и отнекивался, не желая говорить о цыганке. Было заметно, что девушка запала ему в душу. Тогда донна Диламея пообещала, что велит выпороть нерадивого слугу, и тот признался, что Люцита очень красива и недоступна. Мать Люциты воспитывала девушку в целомудренной строгости, потому что надеялась в дальнейшем выдать ее замуж за какого-нибудь благородного сеньора, прельстившегося ее красотой и талантами.

Тем не менее последнее время старая цыганка начала сдаваться под натиском одного благородного рыцаря.

Слуга замялся, донне Диламее пришлось напомнить о наказании, после чего безродный признался, что рыцарь тот – добрейший зять донны Диламеи, муж ее дочери Франциски сэр Каркасор.

Он предлагает матери Люциты большие деньги за ночь с ее дочерью. Бедные цыгане могли бы построить себе новый дом – так что вопрос, можно сказать, почти уже решен.

Донна Диламея всплеснула руками и чуть было не упала в обморок. Она понимала, что брак ее дочери вот-вот готов развалиться, как старый глиняный горшок.

Донна Диламея провела ночь в непрерывных молитвах, испрашивая совета у своих святых, и наконец решение было принято.

Светлым днем она явилась к матери Люциты и предложила ей взять деньги у сэра Каркасора и обещать провести его к дочери.

– Вы желаете гибели моей Люциты! – всплеснула руками цыганка. – Смогу ли впредь смотреть в глаза честным людям, добрым христианам, сумею ли вновь подняться по ступеням храма, в котором привыкла молиться с раннего детства, если допущу такое?!

Тогда донна Диламея поклялась цыганке, что никакого позора с ее дочерью не произойдет. Цыганка должна была взять деньги и поставить рыцарю три условия: все должно произойти в темноте, Люцита не должна была разговаривать с господином, до рассвета они должны были расстаться.

В назначенный день цыганка явилась к донне Диламее, чтобы отвести ее и умирающую от страха Франциску к себе домой. Все вместе они спрятались в комнате старухи и ждали там до тех пор, пока под окнами не послышался конский топот. Тогда цыганка встретила сэра Каркасора и провела его в комнату, предназначенную для ночного свидания. Ставни были плотно закрыты, свечи потушены, а на бедном цыганском ложе возлежала молодая женщина.

Рыцарь тут же обнял ее, полагая, что перед ним Люцита.

Перед рассветом старая цыганка вывела сэра Каркасора, попросив его сделать дочери памятный подарок. Довольный ночным приключением рыцарь пожаловал цыганке свой медальон и ушел, не догадываясь об обмане.

Прошло немного времени, и сэр Каркасор стал с удивлением наблюдать, как округляется стан его законной супруги.

Пригласив к жене лекаря, он узнал правду и был взбешен.

Разгневанный супруг потребовал, чтобы жена созналась ему в своей измене, но та твердила, что носит его ребенка. В гневе сэр Каркасор хотел заточить ее в монастырь. Тогда Франциска сняла с шеи подаренный мужем медальон и предъявила его в качестве доказательства своей верности.

Тогда рыцарь понял, что он совершил низость и чуть было не погубил и жену и еще не рожденного младенца. Он упал перед Франциской на колени и слезно попросил ее о прощении.

Донна Франциска простила мужа, в знак примирения они совершили свое третье бракосочетание и с тех пор жили долго и счастливо и умерли в один день.

Об этой паре трубадуры и сейчас слагали прекрасные поэмы. Поговаривали, якобы, несмотря на то что сэр Каркасор и его прекрасная возлюбленная Франциска и жили мирской жизнью, их чувства были по-прежнему чисты и заслуживают самых высоких похвал, а их жертва достойна снисхождения горного мира. Потому как человек слаб и во всяком своем деле должен полагаться на Господа.

Аминь.

О ЧУДЕСНОЙ БЕЛОЙ ЛЮТНЕ И ПЕРВОМ ОТКРОВЕНИИ ПЕЙРЕ

Захваченный историей благородного рыцаря и его возлюбленной, Пейре забылся настолько, что домочадцам пришлось расталкивать его в конце рассказа. Когда же Жанна позвала всю честную компанию за стол, Пейре еще не мог прийти в себя. Его чувства были в смятении, в душе ощущалось странное волнение и тоска. Мальчик едва сдерживался, чтобы не разрыдаться от притаившейся под сердцем боли и не выскочить на улицу, чтобы бежать куда глаза глядят навстречу ветру.

Задумчивый и печальный, он сел за стол и произнес молитву. Взрослые разговаривали об урожае этого года, Пьер выпрашивал у отца Христофора о нынешних ценах в епископстве Кагор, в котором монах был во время традиционной ярмарки. Жанна хотела знать о своих знакомых из Перигора, откуда она была родом.

Пейре же не мог ни есть, ни пить, его голова пылала, непонятные образы бились в ней, точно на поле боя. Не помня себя Пейре выбрался из-за стола, так и не притронувшись к ужину, и уловив момент, когда мать отправилась закрывать животных, а отец и монах пошли до отхожих мест, мальчик подкрался к книге и дотронулся до нее.

Это была старая-престарая книга, с ветхими страницами, края которых были затерты почти что до черноты.

Пейре взял в руки книгу и ощутил странное тепло, которое вдруг стало изливаться от твердого кожаного переплета прямо в грудь мальчика. С минуту Пейре стоял, боясь вздохнуть и сжимая заветную книгу все крепче и крепче, пока непонятная сила не овладела им полностью.

Мальчик подошел к двери, прислушался и, не обнаружив ничего подозрительного, вынырнул во двор. До калитки Пейре пробирался согнувшись в три погибели, опасаясь, как бы мать не заметила его бегства и не воспрепятствовала ему.

Тихо закрыв за собой калитку, Пейре побежал по дороге что было сил.

Теплый вечерний воздух был прозрачен, солнце уже село, и дневные птицы смолкали, уступая место ночным певцам. Силуэты деревьев сделались более контрастными, легкий ветерок перебирал листву, словно листая увлекательные повести деревьев.

Пейре добрался до заброшенного сарая, принадлежавшего старухе Арре, которая уже много лет как не касалась хозяйских дел, позволяя яблоням и винограду плодоносить в свое удовольствие в заросшем и забытом саду. Тем не менее сарай держался, словно ждал нового хозяина, который должен был прийти и разрушить наведенный сон, расколдовать некогда чудесный сад и снова начать безобидную торговлю.

Когда в Тулузе появлялась толпа нищих жонглеров, у которых не было денег даже заплатить за крытое место для ночлега на заднем дворе папаши Дидье, их отсылали ютиться в заброшенный сарай, где в ожидании первых зрителей они могли питаться дармовыми яблоками и отдыхать в тени старых деревьев.

В ту странную ночь сарай старухи Арре приютил юного Видаля, который все не мог выпустить из рук так поразившую его книгу.

Пейре гладил страницы, и, о чудо, в голове его складывался четкий рассказ о прекрасных рыцарях и их юных возлюбленных, о смерти и любви. Незнакомый и вместе с тем близкий и родной голос читал мальчику дивные стихи, пел волшебные песни прошлого или грядущего.

В ту ночь огромные южные звезды опустились к самой земле, для того чтобы быть свидетелями чуда или послушать необыкновенные истории о рыцарской чести и добродетели. Голос рассказывал мальчику и звездам о величественных белых храмах и замках, в которых томятся в предвкушении любви прекрасные принцессы, мистические госпожи, одетые в шелка и бар-

хат. Мадонны – повелительницы сердец, чьи дворы любви сияли как небесные светила. Перед глазами Пейре проносились рыцарские турниры, ломались копья, текли кровь и вино.

И все время, пока звучал голос, звезды, не мигая, смотрели в душу Пейре и освещали через дырявую крышу убогий сарай.

Под утро, когда горизонт начал светлеть, а звезды меркнуть, истомленный Пейре дал священный обет звездному небу и его создателю сделаться самым лучшим рыцарем, самым тонким поэтом. Подобно тому, как монахи посвящают свои души и бранные тела служению Господу, Пейре Видаль обещал посвящать всякую свою песню служению любви и красоте.

Упав на колени, мальчик молился, прося дать ему путь рыцаря-трубадура, или сразу же прекратить его жизнь, чтобы не продлевать мучений. Потому что с этого момента Пейре Видаль уже не мог жить, не вкушая мед поэзии, не мог вынести прежней слепоты и сердечной безмятежности. Легким жаворонком взмыла в небо его душа, чтобы, достигнув Господнего трона, упасть перед ним на колени. Прозрачной розовой дымкой опустилось на плечи Пейре кроткое его благословение. Вставал новый день, пели птицы. Истомленный мальчик уснул на оставленной какой-то доброй душой грязной соломе.

Бред или прозрение, посетившие Пейре, вылились в чудесный сон, в котором он стоял, облаченный в сверкающие золотые доспехи, пред троном творца, на голове которого сияла ровным благородным светом корона вселенной. И одним из величайших адамантов в ней был сам Пейре Видаль. Мальчик не мог понять, как это он одновременно мог оказаться и колено-преклоненным рыцарем и сияющим драгоценным камнем. Понятия не имел, как выглядят эти самые адаманты, да и название такое слышал впервые. Тем не менее он верил во все, что видит, недоумевая, удастся ли ему проснуться и рассказать обо всем матери, или Господь оставит его на небе.

В ту ночь Пьер поднял на ноги соседей, и вместе они до рассвета искали повсюду пропавшего сына. Сначала кожевник обходил окрестные дома, куда мог забежать неугомонный мальчишка. Потом, когда весть о пропаже пацана облетела улицу ремесленников и возле Пьера собралось с десяток мужчин, они решили рассредоточиться – кто-то отправился на озеро, кто-то побрел к Обрыву грешницы, кто-то пошел будить других соседей, справляясь, не забежал ли к ним Пейре.

Только к утру Пьер, папаша Дидье да старый монах обнаружили наконец Пейре в старухином сарае. Мальчик лежал, раскинув руки, точно Христос на распяты. Правая его ладонь сжимала почерневший от времени переплет книги, а возле левой, вот чудо, покоилась чудесная белая лютня.

Никто в Тулузе не видел прежде этого инструмента. Было непонятно, как такой хороший инструмент мог оказаться в заброшенном сарае. Если кто-то позабыл его там – то почему не искал? Если хозяин был ограблен и убит – отчего же грабители не забрали дорогую лютню?

Посоветовавшись, мужчины решили, что лютня до поры до времени будет храниться в доме Пьера. И пока кто-нибудь не хватился о пропаже, Пейре может учиться играть на ней. В довершении дела трактирщик, монах и кожевник даже призвали в свидетели небо, ибо никто из них не пытался присвоить себе чужое добро и тем загубить на веки вечные свою бессмертную душу. И, наконец, вполне довольные и счастливые, все разошлись по своим домам, а бродячий монах пошел в учителя к Видалям.

Сам Пейре ничего не мог рассказать о том, откуда взялась белая лютня, возможно, она уже была в сарае, когда туда прибежал мальчик. И не настаивал на чуде. Но с того дня он начал прилежно заниматься с монахом, запоминая буквы, а в перерывах пытался наигрывать что-то на волшебном инструменте.

Несмотря на юный возраст, Пейре знал множество стихов и простеньких песенок, которые теперь часто мурлыкал себе под нос, перебирая тонкие струны.

О РЫЦАРЕ И МАСТЕРЕ ОДНОГО УДАРА ЛУИ ДЕ ОРНОЛЬЯКЕ

Детство Пейре было действительно безоблачным и добрым. Года выдались сытые – винограда созревало в таком количестве, что для торговли с другими городами пришлось допустить в Тулузское графство новых жидов. Что говорило само за себя.

Господин Тулузского графства и герцогства Нарбонна Раймон Пятый⁹ приравнял, в своих владениях, права местных и пришлых жидов к правам своих подданных. И те трудились по совести день за днем, вывозя возы, груженные корзинами винограда, спелыми фруктами, золотыми тучными дынями да амфорами с вином. Четырнадцать графов, сеньором которых являлся Раймон Тулузский, обязаны были подчиняться его справедливому закону, что неизменно вело к процветанию и богатству. Отчего знать и народ молили за доброго графа Раймона Бога, а трубадуры славили его в своих песнях.

«Золотой век пришел в Тулузу вместе с моим золотым ребенком – моим Пейре», – думал кожевник, слушая, как его мальчик выводит старинную балладу или простенькую песенку, подыгрывая себе на белой лютне. Голос у Пейре был чистым, как горный ручеек. Слова некоторых старых песен он пересочинил заново, отчего они заблистали, точно очищенные ювелиром драгоценные камни.

К двенадцати годам Пейре вырос и сделался статным и невероятно красивым юношей. Подражая знати, он носил чистое вышитое золотом сюрко и блио¹⁰, с рисунком, смутно напоминавшим какой-то причудливый герб.

Его золотые выющиеся волосы ниспадали по спине сияющим потоком, лицо было чистым, точно лик мадонны из церкви Святого Причастия. Без единой родинки или веснушки, которые часто украшают физиономии рыжеволосых. Он еще не знал женщин, хотя вот уже полгода неожиданно начал сторониться бывших подружек, тоскуя о чем-то далеком и несказанно прекрасном – имени чего он не ведал.

Пейре вырослел. В это лето ему вдруг надоели обычные детские проказы. Он уже не ловил в канаве смешных веселых головастика, не дрался вместе с другими мальчишками в мягкой теплой грязи. Хотя продолжал сражаться на палках и метать камни из пращи. Но последнее время его единственными увлечениями сделались лютня да рассказы недавно осевшего в Тулузе трубадура Луи де Орнольяка, больше известного в городе под именем Пропойца.

Пропойца любил жариться на солнышке на берегу моря или валяться под сенью разросшихся деревьев старухи Арре. Никто не знал, сколько ему было весен и сколько зим. Зато его прозвали мастером одного удара. Одного – потому что второго, как правило, не было нужно. Любой его противник тут же оказывался на земле.

Поговаривали, что таких мастеров боя, каким являлся достойный де Орнольяк, на всей земле осталось несколько человек. И слава богу – ведь один мессер Луи, по словам его угрюмого оруженосца Вильгельма, мог вырезать за одну ночь пол-Тулузы. Да так, что другая половина не услышала бы ни звука. Когда кто-нибудь из смельчаков спрашивал, когда же достойный воин собирается совершить этот беспримерный подвиг, то есть лишить жизни половину жителей города Тулуза и тем обессмертить свое имя, сэр де Орнольяк лишь вежливо осведомлялся, в какой части города собирается ночевать задавший вопрос. После чего сумасброд при-

⁹ Раймон V (1134–1194) – граф с 1148 г. Был женат на Констанции, дочери короля Франции Людовика VI Толстого, от которой родился Раймон VI, потом – на Ришильде, вдове графа Раймона II Беренгьера Прованского.

¹⁰ Блио – верхняя одежда без рукавов, надевалась поверх сюрко.

знавал победу де Орнольяка, выставляя ему и всем, кто находился рядом, выпивку и умоляя ничего не доказывать и не демонстрировать.

Пропойца дружил с тулузским графом, державшим в своих руках все окрестные земли. Знал по именам всех трубадуров, рыцарей, дам, а также их слуг, служанок, лошадей и собак.

По своим надобностям он часто гнал коня к высоким белым стенам замка. Но жить там на правах придворного менестреля не мог. Лохматая бродяжья доля князя дорог и господина трактиров не позволяла ему нежиться близ сияния дворов любви. Всегда пьяный и потасканный, он волочился за всеми дамами, не пропуская ни одной. И те, вот ведь чудо, жаждали его общества.

Не было в Провансе женщины, которая не отличала бы стареющего трубадура, не было поэта или певца, которые не завидовали бы его громкой славе и везению.

Горожане же не хотели признавать в рыцаре любви господине Пропойце важной персоны. Ему кланялись, но и посмеивались вслед. Еще бы – ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Стихи да ветер жили в голове поэта и трубадура Луи де Орнольяка, но был это ветер странствий.

Пейре сразу же прикипел душой к странному гостю. По правде сказать, мальчик понятия не имел, как должны были выглядеть знатные рыцари, потому как прежде ни разу не видел их вблизи.

Нет, он, конечно, видел не раз шикарную свиту графа и графини и других господ, живущих в роскошных белых домах Тулузы, и тех, что приезжали на ярмарку или праздники из соседних городов и замков.

Но господа эти – разодетые в расшитые золотом льняные одежды, в тонкие яркие шелка и бархат, злато и пурпур, щеголяющие на великолепных конях, разъезжающие в шикарных каретах и паланкинах, – все они казались ему видениями. Прекрасными и почти что нереальными снами, в которые хотелось окунуться как в теплое море, позволив его ласковым, чистым волнам объять тело и душу. Чтобы раствориться в этом волшебном мареве сна навсегда.

Де Орнольяк был не похож на них. Его можно было даже потрогать. Пил он, как все, и даже многим больше. Навеселе де Орнольяк заигрывал обычно с толстой прачкой Аделью или беседовал с маленькой юркой шлюхой. С ее дочерью, темноволосой Агнесс, Пейре был дружен с самого детства.

Де Орнольяк обладал еще одной интересной особенностью. Иногда его можно было искать весь день, да так и не найти. Зато когда он был никому не нужен, его брренное тело возникало где-нибудь на соседском возу, под скамейкой у кабачка папаши Дидье или в сарае старухи Арре, – словом, там, где его меньше всего можно было ожидать увидеть. Эти чудесные свойства, так же как почерневшая от времени домра, с которой трубадур не расставался даже во сне, да рассказы о славных рыцарях прошлого и настоящего, притягивали Пейре к трубадуру.

Пейре знал наперечет всех рыцарей, с которыми славному де Орнольяку посчастливилось биться на турнирах, их родословную, оружие и имена коней. Пейре знал наизусть песни знаменитых трубадуров и полные затаенной грусти и тихой радости истории их побед, поражений и любви.

Но больше всего Пейре любил рассказы о доблестном Бертроне де Борне¹¹ виконте Отфора, хозяине замка Аутафорт, и отчаянно мечтал когда-нибудь повстречать его в жизни.

Прославленный Бертран служил верой и правдой королю Англии, Анжу, Туреньи, Аквитании, Пуату, Оверньи, Перигора, Лимузена и Нормандии Генриху Второму, чей герб украшали ветки дрека.

¹¹ Бертран де Борн (*фр.* Bertran de Born, около 1140–1215) – трубадур, один из крупнейших поэтов средневекового Прованса, представитель средневековой провансальской литературы. Уроженец Лимузена, де Борн провёл большую часть своей жизни в расприх со своим братом из-за замка Аутафорт (Отфор), междоусобных войнах семейства Плантагенетов и всевозможных баронских смутах. Поэтическое наследие (48 песен) Бертрана де Борна это в основном сирвенты на политические темы, воспевающие войну как единственно достойное настоящего рыцаря дело.

Тридцать четыре года назад, когда Пейре еще и в помине не было и его родители не были даже знакомы, этот самый Генрих воевал с Тулузой. Господином Тулузы в то время был десятилетний Раймон Пятый, против которого ополчились разом три короля – Франции, Англии и Арагона. Безусловно, они вышибли бы юного графа с его трона, разорвав графство на клочки, если бы Раймон не решился на единственно верный ход, заключил союз с королем Франции против Англии и Арагона. Людовик Седьмой отдал в жены юному Раймону свою сестру Констанцию. Этот шаг сделал Раймона пэром Франции и спас Тулузское графство.

Поклявшийся защитить Тулузу, Людовик Французский повел себя необычно – вместо того чтобы принять открытый бой, защищая стены Тулузы, он прищемил хвост врагу в его собственных владениях, вторгшись разрозненными отрядами в Пуату, Лимузин, Овернь и Перигор. После этого Генриху не оставалось ничего другого, как убраться из Тулузы подобру-поздорову, поспешно удирая от преследовавшего его по пятам Раймона Тулузского.

Двенадцать же лет назад, в 1173 году, когда родился и сам Пейре, сын Генриха Второго, тоже Генрих, заручившись поддержкой до сих пор таившего обиду за попытку отобрать его родовые земли Раймона Тулузского и короля Франции, начал войну против своего собственного отца.

Подстрекал же его на этот шаг небезызвестный Бертран де Борн, сирвенты¹² которого заставляли каждого, кто мог держать в руках оружие, подняться на справедливую войну. Учитывая, что оружия, хотя бы самого примитивного, в то время не было только у безруких, война охватила города, подобно свирепому пожару.

И все бы было хорошо, если бы не подлое предательство короля Арагонского, который вдруг изменил данному молодому королю слову и напал на Тулузу. Чудом Раймону удалось не дать пасть графству, буквально в последний момент отразив атаки предателя, но, к сожалению, не пленив его самого.

С этого момента удача отвернулась от юного Генриха и его учителя и друга Бертрана де Борна, который хоть и заклеил позором Альфонса Арагонского, но сделал это поздно и, видимо, не вложил в сирвенту хорошего проклятия, отчего король-предатель остался жив и невредим.

Зато принц Генрих, старший сын короля Генриха Второго и наследный принц английского престола, умер. Де Орнольак ничего не говорил о том, был ли он отравлен или околдован, но Пейре чувствовал в этом горький привкус предательства и измены.

Бертран де Борн был потрясен смертью своего друга, его печаль и отчаяние рождали новые песни, которые де Орнольак пел Пейре, аккомпанируя себе на старой домре или трехструнной гитаре, и Пейре плакал, воспринимая разрывающую сердце своего любимого трубадура боль.

Сколько раз, слушая и играя эти песни, Пейре проклинал злую судьбу, пожелавшую, чтобы он – Пейре Видаль – появился на свет столь поздно и не мог помчаться на выручку Бертрану, когда Генрих Английский вместе со своими баронами атаковали его замок Аутафорт и пленили самого трубадура.

Белая лютня в руках мальчика плакала и стенала, мелодии, рожденные чужой болью и отчаянием, летели над горами и лесами Тулузы, призывая их в безмолвные свидетели.

¹² Сирвэнта, сирвентэс – один из важнейших жанров поэзии трубадуров XII–XIII вв. Формой напоминала любовную кансону, но отличалась поднимаемыми в ней темами. Главными в сирвенте являлись вопросы общественно-политические, религии, морали, личные выпады поэта против его врагов («персональные» сирвенты). Существовало несколько разновидностей персональной сирвенты: литературно-пародийные (высмеивание собратьев-трубадуров), похвальба – шутливая песня, в которой трубадур часто иронически перечисляет свои достоинства, плач – во славу достоинств оплакиваемого лица: покровителя, трубадура, Дамы. Морализаторские сирвенты впервые встречаются у Маркабрюна. Сирвенты на политические темы с призывами к войне или, наоборот, к миру, порицанием врагов – были одним из самых распространенных видов жанра. Знаменитым мастером политической сирвенты является Бертран де Борн. Весьма популярная традиция обмена сирвентами (поэтического спора по различным вопросам) со временем создала специальный диалогический жанр – прение.

Слава Богу, который в конце концов отвлекся от своих дел и пришел на помощь к плененному и уже приговоренному к казни трубадуру, слава Богу, который вложил в уста Бертрана горестную песнь на смерть юного Генриха, которую он пропел перед английским королем.

«Бертран, ты хвастался, что тебе нужна лишь половина твоего гения. Боюсь, что и две половины не могут уже более тебя спасти», – донеслось до плененного трубадура с высот английского трона.

«Да, сэ. Я потерял свой гений и свою душу в день, когда умер твой сын Генрих», – ответил ему Бертран и запел полную тоски и скорби похоронную песню.

Никто из слышавших ее не остался равнодушным, король и подданные рыдали, покоренные песней Бертрана, которая лилась, подобно крови, из открытой раны его сердца.

Бертран остался жив!

Более того, он снова был в милости, и де Орнольак божился, что рано или поздно Пейре сумеет познакомиться с прославленным трубадуром лично.

О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ С ДРУЗЬЯМИ ПОДГЛЯДЫВАЛИ ЗА ГОЛОЙ БАБОЙ, И ОБ АНГЕЛАХ НЕБЕСНЫХ

Однажды Пейре вместе с ватагой мальчишек подкараулили коровницу Милисенту во время купания. У коровницы этой была странная особенность мыться не в доме, а именно в реке. Мальчишки приметили это уже давно и теперь по очереди караулили, ну когда же мосластая Милисента сподобится пойти на реку. Караулить начали с полнолуния, но пришлось набраться терпения, с купанием Милисента медлила. Меж собой мальчишки заключали пари о том, когда же толстуха наконец соберется совершить омовение. Но ни на старой луне, ни в новое новолуние Милисента не мылась.

Хотели уже прекратить слежку, когда толстуха надумала-таки явиться на реку. Случилось это аккурат в день перед полнолунием, так что мальчишки затаив дыхание крались за ней до самого берега. Когда дородная Милисента в одной холщовой рубахе вошла в воду, Пейре, наблюдавший эту картину в первый раз, хотел было уже разочарованно плюнуть. Мол, надо же было столько сил убить для того, чтобы увидеть корову в холстине, когда Милисента вдруг погрузилась по макушку в воду и, тут же вынырнув оттуда, начала выбираться на берег, отплевываясь и фыркая от удовольствия.

Взорам пацанов предстало дивное зрелище – старая холщовая рубаха облепила рыхлое тело коровницы, огромные точно бурдюки, груди колыхались, по черным мокрым волосам текла вода, внизу рубаха задралась, и были видны две мясистые ноги.

Забыв об осторожности, Пейре встал и, открыв рот, смотрел на необычное зрелище, когда кто-то вдруг больно схватил его за ухо. Мальчишки тут же бросились наутек. Перед Пейре стоял де Орнольях.

– Что же ты такое делаешь, гаденыш?! – грозно зашипел трубадур, уворачиваясь от камня, пущенного застигнутой за купанием коровницей, и одновременно увлекая за собой мальчика.

Вопреки обыкновению де Орнольях как будто был трезв.

– Что же ты такое делаешь, Пейре?! – повторил он свой вопрос, обращаясь скорее к небу, которое он теперь хотел призвать в свидетели.

– Неужели Господь наделил тебя такими талантами лишь для того, чтобы ты, подглядывая за голыми бабами, марал свою душу?

Пейре шел за де Орнольяхом, потирая ухо и не зная, что сказать.

– Ты можешь стать лучшим трубадуром этой земли, Пейре, – голос де Орнольяха был тихим и добрым, казалось, он так и проникает в душу, подобно тому, как после дождя струи воды проникают в ждущую их землю. – Я думал, что ты со временем станешь самым красивым трубадуром и рыцарем чистой любви. Ты будешь служить дамам, совершенствуя свое сердце и свою душу. Ты будешь тем, кем не смог стать я. Ах, Пейре, Пейре, не здесь и не сейчас должен был я сказать тебе подобные слова. Произнести их следовало бы Совершенному, а не такому грешнику, как я.

Они свернули по направлению к заброшенному сараю. Де Орнольях подобрал с земли спелое яблоко и, в два укуса ободрав мякоть, выбросил сердцевину в кусты чертополоха.

– Видишь ли, люди прежде были ангелами. Божьими ангелами вроде тех, чьи изображения ты видел в церкви. Только святые отцы не знают, мало, кто знает, как это было на самом деле, те же, кто ведает правду, рассказывают ее не всякому.

Де Орнольях остановился перед сараем. Повозившись под крыльцом, он извлек оттуда пузатый бочонок с вином, вытащил пробку и, отпив, разлегся прямо на траве под одной из яблонь. Пейре последовал примеру трубадура, разложив на земле плащ и усевшись на него.

– Ты, конечно, знаешь, что Бог сотворил небо и землю, зверей, птиц и божьих ангелов, – де Орнольях сделал еще глоток и протянул бочонок Пейре. Кислое виноградное вино оказалось неожиданно холодным.

– И человека, – Пейре отер губы и с осторожностью передал бочонок трубадуру.

– Человека... М-да. Об этом после... Сатана восстал против Господа, и тот изгнал его в преисподнюю. Не убил, заметь, не истребил, чтобы и памяти о нем не осталось, а только отстранил на время. Можешь ты себе представить короля, который, вместо того чтобы четвертовать предателя и мятежника, всего лишь изгоняет его из своих владений?

Пейре отрицательно помотал головой. Такое поведение Бога действительно не укладывалось ни в какие рамки, но, с другой стороны, на то он и Бог – чтобы делать невозможное.

– На самом деле Люцифер был тоже творением Господа. А со своими детьми трудно поступать так, как они того заслуживают. Хотя в некоторых случаях надо.

Пейре подумал, что вот сейчас пойдет разговор о коровнице, и заранее надулся.

– Господь помиловал падшего ангела Люцифера, подарив ему жизнь и шанс на спасение. Но Люцифер, или теперь уже Сатана, совершил второй грех и переманил к себе двух ангелов Господа, их имена знает любой из ваших священников, церковь называет их Адамом и Евой. Не знаю, подлинные ли это имена, никто не знает. Давно это было, почитай с начала мира.

Для того чтобы привязать их крепче к земле, Сатана дал им человеческие тела, в которые и вселились чистые и бестелесные небесные жители. А потом он сделал самое ужасное – отобрал у них память, чтобы они забыли, кто они такие и откуда пришли.

Наподобие Царствия Господа он создал свой фальшивый рай, в котором заколдованным ангелам было запрещено трогать плоды дерева познания.

Де Орнольях заметил в траве еще одно наливное яблоко и, обтерев его о штаны, бросил Пейре.

– А потом сам же обратился змеем и соблазнил Еву на грехопадение.

Пейре вскочил. Никогда прежде он не слышал, чтобы кто-то столь вольготно трактовал Священное Писание, и это возмутило его чистую душу. Переписать песенку или балладу – это другое дело. Но Библию!

– Господин де Орнольях, вы пьяны, – сквозь зубы произнес Пейре, не отрывая взгляда от брошенного ему яблока и прекрасно понимая, что трубадур отнюдь не пьянчужка, не балаганный шут. Ведь рядом с Пейре в траве под разросшимися яблонями возлежал матерый убийца, сильный и безжалостный рыцарь, наемник, убивающий всех и каждого по велению господина или собственному желанию! Мастер одного удара!

Решись Пейре закричать, он не успел бы даже открыть рта, как кинжал Луи де Орнольяха перерезал бы ему горло. Не мог он и убежать – серо-зеленые глаза врага держали его сильнее любой цепи. Шелохнись, и тебя соьбьют с ног, заткнут ладонью рот, сунут клинок под ребра. Поминай как звали.

Де Орнольях возлежал под старыми, да нет, – древними яблонями, Пейре вдруг показалось, что это те самые яблони, и Тулуза на самом деле – райский сад, разбитый в незапамятные времена. Кем? Богом или дьяволом? Де Орнольях знал, где хранится вино – значит...

– Сядь, Пейре. Ты ведь не хочешь оборвать рассказ на середине, как бы это сделали твои трусливые соседи. Ну же, успокойся. Да, я пьян. Но ты не в первый раз видишь меня пьяным. Так что...

– Господин рыцарь, благородный сэр – вы еретик... – язык Пейре онемел, горло пересохло. Говоря «еретик», Пейре понимал, что подписывает себе смертный приговор. В жаркий полдень его начал бить озноб.

– Промочи горло, господин праведник, наблюдающий из засады за голыми бабами, – де Орнольяк вальяжно поднялся, и силой усадив Пейре на траву, поднес к его губам уже наполовину опустевший бочонок с вином. – Теперь я просто обязан завершить эту историю. А тебе придется послушать.

До грехопадения ангелы были очень сильны и совершенно чисты, но после... он открыл перед ними ворота и вытолкнул в большой мир. Они остались одни. Но Сатана не успокоился на этом, он начал пленять и переманивать других ангелов. Обманом князь тьмы заманивал их на землю в человеческие тела, после чего они все теряли память. И что самое страшное, он придумал, что даже после смерти ангелы не могут освободиться и вернуться к Престолу Творца.

– Почему же?... – перед глазами Пейре плыл туман, сквозь который просвечивало солнце, в ушах звучал обволакивающий, нежный голос де Орнольяка или самого дьявола.

– Потому что Сатана придумал, что те, кто проживет жизнь на земле и не вспомнит, кто они и откуда пришли, должны будут рождаться снова и снова, проживая жизни и ни черта не помня.

Пейре скорее почувствовал, нежели увидел, как трубадур сотворил крестное знамение.

– Случалось ли тебе, мальчик мой, смотря на небо или слушая песню, ощущать не радость, а тоску по чему-то давным-давно утраченному и прекрасному? Бывало ли такое, что, смотря на своих соседей и даже родителей, ты понимал, что дом твой не здесь, что доля твоя особая и путь твой проложен меж звезд?

Глаза Пейре наполнились слезами.

– Человек, вспомнивший свое истинное я, должен и обязан сохранить это чувство до своего смертного одра, чтобы затем, превратившись в сияющую точку, в стрелу, направленную в цель, лететь прямо и без остановки к Престолу Господа. Только так и не иначе можем мы навсегда отряхнуть со своих крыльев земной прах. Но верить и знать – это еще не все. Ничто в мире не должно держать тебя, связывая долгами, любовью, дружбой или преданностью. Невозможно вознестись в Царство Господа нашего, когда душа твоя будет разрываться на части жалостью и отчаянием по всему тому, что ты оставляешь здесь. Если ты будешь жалеть себя, свое тело, покидаемую тобой землю, все то, что ты любил и что не успел познать... Нет ничего хуже, если плачет по тебе близкий друг или любимая женщина, если за тобой тянет руки ребенок, крича: папа, папа, зачем ты покидаешь меня?! Вернись... Какая душа – тем более душа ангела – выдержит груз чужих слез? Поэтому они возвращаются, чтобы снова забыть, снова вспомнить, вознестись к чистой любви или погрязнуть в грехе. И так может быть до скончания мира.

– Значит, монахи всегда возносятся к Богу. Ведь их не держат семьи? Они никого не оставляют, – Пейре попытался было приподняться, но опять сел на землю. Голова кружилась.

– Не все. Лишь те, кто узнает или вспоминает свою истинную природу. Тот же из них, кто говорит, что он всего лишь раб Господа – никуда не поднимается, удержанный рабской цепью и невольничьим ошейником. Господь – наш Отец, и все мы его дети. Запомни, Пейре, сегодня я открыл тебе, кто ты есть на самом деле и откуда ты пришел. Теперь тебе придется жить святой и чистой жизнью, не греша и не вводя в грех других. Тогда в момент смерти у тебя будет шанс собрать все свои силы и вознестись прямой дорогой к Господу.

– А вы... – Пейре невольно смутился своей мысли, – вы живете праведной жизнью?

– Если бы... – трубадур поднялся и, уперев руки в бока, смотрел еще какое-то время на мальчика. – К сожалению, я слишком слаб для того, чтобы жить праведной жизнью хотя бы минуту.

– Но как же тогда вознесение? И все такое?... – Пейре тоже поднялся, на нетвердых ногах подошел к де Орнольяку. Страх больше не было.

– Я нашел другой путь, – трубадур подмигнул ему и, подняв с земли плащ Пейре, отряхнул его и накинул на плечи мальчику. – Я возношусь в своих песнях. От сирвенты к сирвенте,

от кансоны к кансоне я очищаюсь духом святым, который входит в меня, чтобы я мог сочинять. Я пою во славу Господа и людей. Правда, я не пою в церкви, но зато я воспеваю наших прекрасных дам, которые тоже должны наконец вспомнить свою ангельскую природу и вознестись к Отцу небесному. Вот что я, чертов грешник, делаю на этой земле. Тому свидетель Господь. Мы друг друга давно знаем. И он понимает, что сила искуителя, так же как над любым человеком, довлеет надо мной. И оттого, возможно, он продлевает мне жизнь, чтобы я успел пробудить как можно больше светлых сердец к высокому. Пусть даже и ценой собственного невозвращения.

Де Орнольяк обнял Пейре, и вместе они пошли в сторону домов. Допив последние капли, трубадур распевал охотничью песню, сочиненную им несколько лет назад для короля Генриха Короткого Плаща, барабанил в такт по днищу пустого бочонка.

– А было бы здорово, Пейре, клянусь своими потрохами на дьявольском вертеле, улететь отсюда, прихватив в одночасье всех местных дам?!

Пейре представил себе великолепный уносящийся в синее небо кортеж, и на душе его сделалось весело.

АГНЕСС – КОРОЛЕВА НОЧИ

В ту же ночь Пейре упросил родителей отпустить его на ночную рыбалку. Ребята заранее накопили червей и приготовили обычные в таких случаях снасти. Прежде Пейре никогда не удавалось поудить вместе с другими мальчишками, поэтому и собираться он начал загодя.

Из орешника Пьер выточил для сына удилище, к нему примотали шелковую нитку и повесили замысловатый крючок, выменянный у сына золотаря на горячий пирожок с мясом.

С собой Жанна дала сыну пару лепешек да крошечный горшочек с медом. У горшочка не было ни одной ручки, сам он был битым-перебитым, со сколами и затершимся рисунком, но Жанна привезла его из дома родителей, так что это была скорее память, нежели посуда.

Беря узелок с едой, Пейре даже поежился, нащупав под тканью толстый твердый бочок горшочка. Не ровен час и...

Он поцеловал маму и, схватив удило, лютню и теплую шерстяную накидку, побежал к калитке, где уже дожидались его мальчишки.

Ночь выдалась теплой, огромная круглая луна светила над водой, купая в ней свои светлые волосы. Пейре засмотрелся на небесную женщину, поражаясь ее красоте и колдовской силе. Казалось, что достаточно только подойти к воде и дальше уже пойдешь по ее гладкой теплой поверхности, как сам Спаситель. Туда, навстречу изливающемуся небесному свету. Туда, на встречу со своей подлинной семьей – ангелами Господа. Свет луны манил и притягивал Пейре. Он отложил удочку и поднялся, позволяя луне обнять его своим светом, точно призрачными доспехами, легкими, как поцелуй небесной девы, прочными, точно подлинное колдовское серебро мавров.

Ребят рядом не было, они разбрелись по берегу, выискивая рыбу. Поколебавшись с минуту, Пейре припрятал под куст ракиты свои снасти и, надев старую накидку, пошел себе по берегу, перепрыгивая через выброшенные волнами водоросли и собирая ракушки.

Луна томила его своим светом, звала и пела. Да, именно пела. Пейре снял с плеча чудесную лютню и начал перебирать струны, силясь поймать льющуюся на него небесную мелодию.

Чистому и звенящему голосу лютни из леса отозвался другой голос. Пейре застыл, слушая тишину, он отсчитал тридцать ударов сердца, но ничего не происходило.

«Лесной народ или эхо?» – подумал Пейре и устремился в сторону леса, наигрывая лунный мотив и слушая, как оттуда, наверное из самой чащи, ему отвечает другой музыкант.

На мгновение Пейре сделалось не по себе, все-таки не часто приходится бывать в ночном лесу, но он тут же успокоился, взглянув на, казалось, еще увеличившуюся за время его игры луну.

«Выйду на поляну у дуба, а там либо лесной музыкант сам подойдет ко мне, либо я вернусь домой», – решил Пейре.

Проходя мимо дуба, мальчик вежливо поклонился, и старый великан качнул ему в ответ своей веткой. Пейре вышел в центр поляны, луна отсюда смотрелась особенно величественно, разложил накидку и, усевшись, снова заиграл и запел.

Пейре пел о русалках, собирающихся в полнолуние потанцевать в ее зыбком свете на воде, и о прекрасных юношах, отдающих подводным красавицам свои сердца и жизни. Пел о благородных рыцарях и их прекрасных дамах, пел о любви, которой еще не успел испытать и которой жаждал всей своей чистой душой.

Неожиданный хруст ветки прервал Пейре, он попытался вскочить на ноги, но тут же снова сел от неожиданности. В трех шагах от него стояла небесная красавица с черными, точно ночное небо, длинными волосами, в которых подобно звездочкам сверкали живые светлячки. Ее тело покрывала тонкая батистовая рубашка, под которой ничего не было. Красавица улыбнулась Пейре и неожиданно превратилась в дочь шлюхи Агнесс.

Пейре отер рукавом лицо, пытаясь отогнать наваждение, но Агнесс – земная или небесная – не исчезала.

– Привет, Пейре. Я сразу поняла, что это ты, – ее голос был звонче самой звонкой лютни. Как часто прежде Пейре разговаривал с Агнесс и только теперь он услышал ее голос!

«Должно быть, это говорит заключенный в Агнесс ангел», – догадался Пейре и молча подвинулся, освобождая девочке место на накидке. Агнесс приблизилась и села рядом с Пейре, ее маленькая головка прильнула к плечу мальчика, их волосы перемешались. Пейре взял руку Агнесс, их пальцы сплелись. Губы встретились в поцелуе, и тут же Агнесс села на корточки и стянула с себя прозрачную рубашку, представ перед Пейре в лунном сиянии женской красоты.

Ослепленный, сбитый с толку, Пейре снял с плеча лютню и, целуя Агнесс, повалил ее на подстилку, которая тут же обернулась рыцарским плащом, светлячки в волосах девочки сделались драгоценными камнями, а она сама стала ангелом или колдуньей-принцессой. Пейре же был прекрасным рыцарем, златокудрым и благородным певцом любви, принимающим самую высокую награду за свои песни. Светлячки переползли с волос Агнесс на волосы Пейре, словно увенчав его царским венцом.

На рассвете они сплели из травы кольцо, которое Агнесс вручила своему рыцарю.

Это кольцо Пейре повесил на шею и потом еще долго носил его, пока трава не иссохла и не обратилась в прах.

Они договорились встретиться снова после вечерней молитвы. Пейре забрал припрятанные на берегу снасти, вернулся домой и завалился спать. Но когда он проснулся, дверь в дом была заперта снаружи и окна плотно закрыты ставнями.

Ничего не понимая, мальчик сидел за столом, где руками заботливой Жанны для него была оставлена кружка молока и пирог, но почему-то кусок не шел в горло. Обычно веселый и жизнерадостный Пейре чувствовал приближение неминуемой беды, которая уже расправила над ним свои серые, точно грозовые тучи, крылья. Предчувствие сковало горло, точно невидимый противник сжал его своей стальной перчаткой. Пейре попытался разжать невидимые пальцы, но ничего не получилось.

«Ребята могли вернуться домой и передать отцу, что я ушел от них. Быть может, пришлось снова поднимать соседей и обыскивать берег? Тогда отец, скорее всего, задаст мне трепку или не будет разговаривать до вечера. Все это можно выдержать. Хуже, если кто-то видел меня и Агнесс, еще хуже, если проспавшийся к рассвету де Орнольяк застал нас вместе и теперь мечет громы и молнии. Что же произошло на самом деле?»

В часовне забил колокол, и его звон болью отозвался в сердце Пейре. Он вдруг припомнил давешний разговор с трубадуром. То, что он говорил об ангелах и о том, что мир этот сможет покинуть лишь чистый и совершенный рыцарь. Чистый... мог ли Пейре после того, что произошло в лесу, называть себя чистым? Рассчитывать на Божье прощение?

Пейре походил по комнате, стараясь не скрипеть половицами. Все выходило не так, как хотел де Орнольяк, – получалось, что он и Агнесс теперь помолвлены и должны будут пожениться, а если так – в час смерти богиня ночи со светлячками в черных волосах Агнесс ни за что не отпустит своего паладина, своего верного рыцаря и господина. Если они будут женаты, ее слезы вернут его на грешную землю, где будет он воплощаться снова и снова, пока вновь Господь не ниспошлет на его пути трубадура Пропойцу, знающего, кто он, Пейре, на самом деле.

И тут Пейре подумал об Агнесс, и его сердце сжалось, ведь за кого следовало опасаться в этой ситуации, так это за нее. За дочь шлюхи, на которой родители никогда не разрешат ему жениться и которая...

Тяжелые шаги отца отвлекли Пейре от мрачных дум. Пьер вернулся не один, рядом с ним шли старик Дидье и пастух Луи, с которыми отец был дружен. Шествие замыкала Жанна, которая тут же подошла к Пейре, обняв его и пожурив за то, что тот ничего не ел.

Она быстро развела огонь и велела сыну помочь ей накрывать на стол. Выполняя поручения матери, Пейре пытался подслушать разговор мужчин или перехватить взгляд отца, но все было напрасно. За столом ни слова не было произнесено ни о Пейре, ни о ночном происшествии. Меж собой мужчины разговаривали о предстоящем празднике, убранстве церкви, которое следовало, как обычно, сделать на средства общины.

Улучив минутку, Пейре попытался улизнуть из дома, чтобы хоть одним глазом увидеть Агнесс, но Пьер окликнул его в дверях.

– Если ты собираешься повидать сам знаешь кого, – смотря в пол, пробасил отец, – знай, что ее здесь больше нет.

Мужчины замолчали, ощупывая Пейре с ног до головы любопытными взглядами.

Пейре почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, лицо залил румянец, щеки горели.

– Откуда ты знаешь? – услышал он свой ровный голос.

– Сегодня утром община вынесла решение о высылке шлюхи и ее отродья из Тулузы на вечные времена. Час назад мы посадили Агнесс и ее мать на телегу, и они уехали.

– Куда? – Ноги Пейре перестали его слушаться, и он сел прямо на порог.

– Этого никто не знает. Но они больше не вернутся, – отец поднял глаза на сына, и тот выдержал его взгляд. После чего Пейре поднялся и медленно вышел на улицу. Ни Пьер, ни Жанна не последовали за ним.

Пейре добрал до дома шлюхи. Дверь и ставни были заколочены крест-накрест грубыми досками, словно община не просто изгнала семью из Тулузы, но перечеркнула саму память о них на вечные времена.

Одиноким, погруженный в смутные мысли, Пейре вышел на дорогу, ведущую из города, и зашагал по ней, поднимая ногами дорожную пыль. Такое же пыльное облачко, только намного большее, должна была оставлять телега Агнесс и ее матери. Но сколько Пейре ни всматривался в горизонт, ничего похожего на пыль, поднятую колесами телеги, не увидел.

Солнышко, будто раненное на поединке, ползло по краю гор, кровавая своим пробитым брюхом рыхлые облака. Пейре шел, не разбирая дороги, не чувствуя усталости, не видя окружающей его красоты и не слыша пения птиц. По его щекам текли слезы, перед глазами стояло черное, ночное, с крупными звездами небо, или это были волосы Агнесс, унизанные светлячками? Пейре нащупал на шее травяное колечко и, разрыдавшись, упал на колени в еще горячий после дневной жары песок.

Он дошел до развилки дорог, отсюда дорога раздваивалась, но ни на одной из них не было тонких следов колес или ямочек, которые оставляют конские копыта.

Неизвестно, сколько времени Пейре сидел так, плача и размазывая по лицу слезы, как вдруг он услышал шаги и приметил де Орнольяка, скачущего к нему из леса.

– Не ищи их, Пейре, – де Орнольяк казался расстроенным не менее самого Пейре. Мальчик поднялся, и трубадур помог ему сесть в седло за ним.

– Вы не знаете, куда они поехали? – спросил Пейре в спину трубадура. Тот не ответил.

Многим позже Пейре узнал, что возвышенный рыцарь любви, певец красоты и поводырь в мир ангелов был единственным человеком, провожавшим изгнанных из Тулузы женщин.

Вместе с ними он доскакал до небольшого селения в нескольких лигах от Тулузы, где заплатил за ночлег и бросил все свои сбережения в подол юной Агнесс. Он – дворянин и прямой потомок легендарного князя Гурсио¹³, маркграфа¹⁴ Тулузы, ускакал прочь, плача и слагая на ходу песнь о печальной участи женщины, не встретившей своего защитника и рыцаря.

¹³ Предок тулузских графов Гурсио был князем готов. После того как в 507 году вестготский король Аларих II лишился своей резиденции Тулузы, которую завоевал король франков Хлодвиг, Гурсио остался в городе в качестве маркграфа.

¹⁴ Маркграф (от нем. Markgraf; *фр.* Marquis, *итал.* Marchese, *англ.* Marquess) – в раннем Средневековье в Западной Европе должностное лицо в подчинении короля, наделённое широкими административными, военными и судебными полномочиями

Когда тебя я увидал
В лохмотьях нищенских,
Душа моя узрела пару крыл
Твоих. О, я бы счастлив был
Тебя признать прекрасней всех!
Но был я слаб. Вот тяжкий грех.
Твоим я мог бы стать навек.
Но я всего лишь человек.
И я был слаб!..

В разные времена это стихотворение приписывалось то Луи де Орнольяку, то самому Пейре Видалю. История и автор книги не знают, кто именно из двух этих знаменитых поэтов любви написал данный текст. Но одно можно сказать со всей определенностью. Писано оно было после памятного события – изгнания из общины Агнесс и ее матери, чье имя история не сохранила для нас.

О ТОМ, КАК ОПРЕДЕЛИЛАСЬ НАКОНЕЦ СУДЬБА СЫНА КОЖЕВНИКА – МЕНЕСТРЕЛЯ ПЕЙРЕ

Несколько месяцев после высылки из Тулузы Агнесс Пейре не мог найти себе места. Нет, он по-прежнему любил перепевать на новый лад старые песни и баллады, веселя соседей и друзей. Как и прежде, он хорошо одевался и безукоризненно следил за своей внешностью, точно ждал, что в любой момент за ним могут прислать из какого-нибудь замка.

Тем не менее в характере Пейре появилась какая-то неуловимая грусть, а в манерах – тонкость, словно он был воспитан не в ремесленном квартале в семье кожевника, а на самом деле являлся принцем крови, по странной прихоти судьбы оказавшимся в этом месте и в это время.

Пейре писал, одну за другой, любовные песни, адресованные даме его сердца, черноволосой Агнесс, которая в его произведениях представлялась то прекрасной властительницей ночи, то светлым ангелом дня. Он творил запойно и страстно, точно впервые допущенный до ложа возлюбленной любовник, который никак не может насладиться выпавшим ему счастьем, сжимая, лаская, целуя, проникая и тут же снова осыпая любимую поцелуями и нежными благодарными словами.

Правда, постепенно среди его песен любви нет-нет да и начали попадаться женские образы, прекрасные черты которых ничем не напоминали несчастную Агнесс. Каждый день, слушая новые творения Пейре, де Орнольак только улыбался, потягивая вино и вспоминая другие стихи, другие песни, других дам. Иногда он останавливал мальчика на полуслове, брал в руки лютню и пел сам.

К концу лета, когда желтые и красные листья плотным лоскутным одеялом покрыли горы, де Орнольак собственной персоной появился в доме кожевника.

Увидев его, Пьер встал и, отложив в сторону кусок кожи, из которой он перед этим привычным движением выкраивал заготовку для фартука, предложил гостю табурет.

Де Орнольак оказался подозрительно трезв и чисто выбрит. На нем было старое, но чистое и вполне еще годное сюрко, поверх которого красовалась новая синяя блия с золотыми и серебряными узорами, с плеча стекал серый плащ, за спиной болталась черная домра.

Горделиво подбоченясь, де Орнольак прошел в комнату и, положив на соседнюю скамью домру и плащ, сел на предложенный ему табурет. Жанны в ту пору не было дома, и Пьер сам полез в подпол за холодным вином и вяленным мясом.

Когда все приготовления были закончены, де Орнольак молча осушил кружку, не забыв при этом плеснуть часть вина на пол, по старому обычаю чествуя гостеприимство дома.

– Я давно уже хочу поговорить с тобой, кожевник, о судьбе твоего сына, – де Орнольак взял из миски кусок вяленого мяса, повертел его в руках и отправил в рот.

«Признаться, я и сам давно уже ждал вас», – хотел было сказать Пьер, но вовремя заткнулся. Как-никак де Орнольак был дворянином и рыцарем, а с этой породой людей лучше не связываться, а уж если связались, держать рот на замке.

– Что ты думаешь о дальнейшей судьбе Пейре? – начал трубадур, оглядываясь по сторонам. – Ты ведь понимаешь, что он не создан для того, чтобы продолжать твое дело. Что ты хочешь – чтобы он стал кожевником вроде тебя или пошел в ученики к сапожнику? – де Орнольак сплюнул. – Неужели ты не видишь, что Пейре не простой парень, что у него другая, чудесная судьба. Я уже довольно давно наблюдаю за твоим сыном и знаю, что ничто ему не мило так, как его лютня и рыцарские истории. Он прекрасно справляется с конем, немного знает бой на мечях и ножах, может с ходу сочинить несколько куплетов. Но ремесленником он не будет. А если и будет, то, поверь моему опыту, никаким.

– Вы правы, господин, – Пьер отпил глоток вина и посмотрел в глаза трубадура. – Признаться, я и сам не настаиваю, чтобы Пейре продолжал мое дело. Ему противен запах выделанной кожи, у него не хватает терпения и усидчивости освоить какое-нибудь ремесло. Хотя – это не важно. Признаться, я и сам понимаю, что мой сын достоин большего. Не случайно же Господь послал мне его на старости лет. Не случайно и, конечно, не для того, чтобы он гнул спину в мастерской или красильне. Хватит и того, что я всю жизнь работал, так что могу позволить сыну жить в свое удовольствие. Только... – Он задумался. – Будет ли толк, если парень станет гулять по кабакам и распевать там песни? – Он снова поднял глаза на де Орнольяка.

– Ты все правильно понимаешь, менестрель уровня твоего сына должен жить при дворе, а не развлекать гольтьбу и пьяниц в трактирах. Его дорога пряма и высока, как солнечный луч. Обещаю, что если тыпустишь Пейре со мной на ближайший турнир, он вернется к тебе знаменитым рыцарем и трубадуром.

– Рыцарем... – Пьер улыбнулся. – Что может быть лучше для отца, чем видеть успех своего сына. Только кто произведет в рыцари сына обыкновенного ремесленника? Где возьмет он дворянские грамоты? Боюсь, что Пейре с его происхождением будет осмеян при дворе, а то и убит за неслыханную дерзость. Вельможи не знают жалости.

– Так, да не так, – де Орнольяк встал и подошел к окну. Пьер молча ждал. – Пейре, конечно, не дворянин, а значит, высокое положение ему придется заслужить. Ты, наверное, слышал, что в Лангедоке недавно был переписан рыцарский кодекс, так что любой молодой человек, умеющий играть на музыкальных инструментах, сочинять стихи и куртуазно служить дамам, может претендовать на посвящение в рыцари. Купи Пейре коня – пешим он не может появиться при дворе. Вели жене пошить ему пару смен одежды или купи все, что нужно, в лавке у жида, я помогу тебе заказать у кузнеца кольчугу и меч. А дальше пусть все произойдет по воле Господа. Если на небесах записано, что Пейре должен быть посвящен в рыцари за свои песни – быть ему посвященным. Если нет – он всегда сможет вернуться к тебе, и дальше ты уже будешь сам решать, какую судьбу для него избрать.

Пьер молчал. В голове его кружился рой образов и желаний. Он уже видел Пейре в золотых доспехах, в красном шелковом плаще и с карбункулом на шлеме. Рыцаря, судьбу которого предстояло решить ему, безродному кожевнику. Он вспомнил предсказание ведьмы, обещавшей его сыну корону и славу. Насчет славы, по словам де Орнольяка, все выходило более чем гладко, но корона... Может ли даже очень знаменитый рыцарь, завоевав земли неверных, посадить себя на трон, или это противно рыцарскому уставу? Женится ли он на принцессе?..

– Решайся, кожевник, – голос де Орнольяка прервал поток образов, разорвав тишину. Высокий и худой рыцарь возвышался над простолюдином. Пьер вздрогнул и тоже поднялся. Рядом с трубадуром он смотрелся приниженно и неказисто.

– Я все давно решил, господин, – у Пьера пересохло горло, и он судорожно глотнул слюну. – Мы сделаем все, как вы приказываете. Я и моя Жанна. Только и вы не оставьте Пейре своим высоким покровительством. Помогите ему хотя бы первое время, пока он не освоится и не поступит на службу к какому-нибудь господину. – Ноги Пьера дрожали, так что, казалось, еще секунда, и кожевник рухнет на пол.

– Хорошо. Тогда приготовь все, что нужно. Обещаю тебе, что если Пейре ожидает провал на первом же турнире, я принародно признаю его своим сыном и позволю нарисовать на щите мой родовой герб с парящим соколом – герб Гурсио! Да простит меня Господь за эту ложь. – Луи де Орнольяк сгреб со скамьи домру и плащ и, не оборачиваясь, не слушая слов благодарности и не прощаясь, вышел вон.

Подготовка Пейре заняла целую зиму, в течение которой славный де Орнольяк учил мальчика приемам, которые должен знать наездник, и владению ясеновым турнирным копьём и мечом.

Вопреки протестам Жанны, привыкшей шить одежду для сына, Пьер заказал все в лавке жида Аброкаса, известного тем, что у него отоваривались почти все тулузские лучники. Что касается доспехов, то тут Пьер уперся не на шутку. Кольчуги делали, конечно, во всех городах, и достать их не составляло особых проблем. Но зато и стоили они, не приведи господи! Дешевле могла бы выйти одежда из стеганого войлока, пусть даже с набитыми на нее металлическими пластинами, но за ней – если, конечно, брать новую и хорошего качества – пришлось бы ехать аж до самого Парижа. Путешествие для Пьера не менее фантастическое, нежели поход в земли неверных. Оставался последний вариант: сделать кожаные доспехи, нашив на них непробиваемые металлические пластины. Но опять же не было подходящего металла. Так что. Пьеру, хочешь не хочешь, пришлось мастерить латы из кожи. Слава богу, хоть меч не понадобилось заказывать, не то несчастные родители новоиспеченного воина вынуждены были бы продать дом и мастерскую. Меч де Орнольяк подобрал среди товаров в оружейной лавке, и Пьер покорно оплатил покупку.

Квартал, в котором находился дом родителей Пейре, считался окраиной Тулузы. Лет пятьдесят назад это была небольшая деревенька Красная, названная так то ли в честь знаменитого крупного винограда, чьи ярко-красные ягоды сделались чем-то вроде примет края, то ли в связи с красным гранитным утесом, нависающим над Обрывом грешницы.

В деревне жили своим трудом честные землепашцы да виноградари. Год за годом справно и чинно они выплачивали в казну дань, возили урожай в город.

Но за пятьдесят лет Тулуза разрослась, как трактирщица Магдалина, которую не обойдешь, не обоймешь, да и не объедешь. Слишком уж дородная донна Магдалина.

И здесь поселились ремесленники – красильщики, суконщики, меховщики да кожевники. Бывшая Красная деревенька на редкость удобна, потому что, живя здесь, можно содержать сколько угодно скота, не гоняя его для выгула за реки и доли.

Первый турнир, на котором благородный де Орнольяк обещал представить Пейре высокому обществу, по традиции поручившись за него и заполнив необходимые для участия грамоты, должен был проходить на турнирном поле Тулузы, что немало облегчало положение дел. Как-никак мальчик никогда прежде не отлучался из дома и мог затеряться где-нибудь в чужих городах или его могли убить где-нибудь на большой дороге.

Правда, и в центре города Пейре бывал каких-нибудь два или три раза, и поэтому центральная площадь с ее высокими домами, белыми храмами, торговыми рядами и вечным шумом и давкой казалась пареньку совсем не дружелюбным местом.

Тем не менее де Орнольяк настоял на том, что еще до турнира Пейре нужно свести знакомства с несколькими бывалыми трубадурами и жонглерами. Пейре и сам уже рвался в бой, ему просто не сиделось на месте, и поэтому он был сам не свой, когда де Орнольяк объявил наконец день отъезда.

Ночь перед выездом Пейре не мог уснуть, впотьмах на цыпочках он пробрался в сарай, куда они с отцом накануне поставили узлы с вещами, и еще раз на ощупь проверил снаряжение. Все как будто было на месте. Пейре посмотрел на небо, крупные звезды глядели на молодого человека с высоты. Пейре стоял так, прощаясь с родным домом, небом и всем, что ему было близко и по-настоящему дорого.

Он прощался с детством.

Где-то в доме скрипнула дверь, на соседнюю крышу вспорхнула ночная птица, Пейре слышал, как ее когти царапают черепицу. Здесь он знал все – запахи, звуки, знал всех коров в стаде, лошадей и собак. Знал всех жителей от мала до велика. Это было нормально и правильно. Но теперь Пейре должен был оказаться в новом для него мире, мире, о котором он почти ничего не знает. Пейре попробовал найти в себе притаившийся страх и не смог. Так прекрасна была ночь, так увлекательно приключение, к которому он так долго готовился.

Пейре подумал, что, возможно, вся его безмятежная жизнь была ничем иным, как подготовкой к новой, предназначенной специально для него другой жизни.

Словно в ответ на его мысли за домом заухала сова. Пейре порывисто перекрестился, отгоняя нечистую силу, и пошел в дом.

Довольная своей выдумкой, из-за дома вышла, чуть сгорбившись, тулузская ведьма Нана и присела на колоду для рубки дров. Окрестные собаки признавали ведьму главной, потому не выдавали ее присутствия в квартале.

– Ну, вот и ты – золотой мой мальчик, юный король, собрался осуществить свою жизнь, – прошамкала она, весело поглядывая на дверь, за которой минуту назад скрылся Пейре. – Славно, славно. Не было печали еще и опоздать к раздаче счастья. Наш мальчик все преодолет, и будет по-моему. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Все будет по слову моему, а иначе не будет.

Нана еще долго шептала охранные заклинания, брызгая специально приготовленным по такому случаю отваром на крыльцо и вещи Пейре.

Когда же она закончила, солнце уже начинало вставать. Ведьма поднялась и, не замеченная никем, покинула Тулузу.

О ТОМ, КАК ПРОШЕЛ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПЕЙРЕ ВИДАЛЯ НА ТРУБАДУРСКОМ ПОПРИЩЕ

Этот день обещал быть самым торжественным и прекрасным. С утра чисто вымытый и одетый во все новое Пейре был уже на коне, с белой лютней на спине и мечом в заплечном мешке. Все его деньги Пьер вручил де Орнольяку, который обещал самолично побеспокоиться о гостинице и пропитании юноши. Пьер сделал добротные и блестящие, точно по ним текла вода, кожаные латы, которые Пейре хотел сразу же надеть, но отец сложил снаряжение в специальный мешок и прикрепил его к седлу сына.

День был примечателен также тем, что в город прибыл кумир Пейре – легендарный Бертран де Борн. Де Орнольяк обещал познакомить с ним юношу. Пейре должен был поучиться у де Борна поэтическому мастерству и игре на арфе – любимом инструменте трубадура.

Остановившись в небольшой гостинице, де Орнольяк велел оруженосцу забрать вещи, броню, часть оружия и ждать их с Пейре возвращения.

Волнуясь и думая только о том, как покажется перед грозным де Борном, Пейре не запомнил название гостиницы, всю дорогу мысленно перебирая струны и в который раз решая, что именно будет петь великому трубадуру и воину. Де Орнольяк оставил лошадей в гостинице, так как по дороге собирался проинспектировать ряд таверн, расположенных в таких закутках, куда лошади не смогли бы добраться при всем желании всадников.

Так они и сделали – заглянули в кабак, где де Орнольяк продолжил поучать юношу, опрокидывая кружку за кружкой и возвращаясь таким образом к своему более привычному – пьяному – состоянию. Шло время, к де Орнольяку подходили знакомые рыцари, они обсуждали турнир этого года, рассказывали о замках, в которых в эту весну им уже удалось погостить. Перебирали имена почивших друзей.

В гости к Бертрану отправились уже на закате. В это время Пейре привык ложиться спать, но трубадуры вели какую-то особую ночную жизнь, к которой ему теперь, по всей видимости, следовало привыкать. Гостиница, где жил Бертран де Борн, располагалась в центре города и выходила окнами на площадь с позорным столбом, отчего пользовалась громкой славой. В дни казней в ней не оставалось ни одного свободного места.

Подталкиваемый в спину уже достаточно набравшимся де Орнольяком, Пейре поднялся по узкой скрипучей лестнице, ведущей к убежищу знаменитого трубадура. Из комнаты доносился топот ног, рычание и звуки ломающейся мебели. Пейре представил себе картину жуткой расправы над Бертраном, осуществляемой то ли злыми духами, каких в Лангедоке не счесть, то ли подлыми наемниками. Молодой человек и его учитель ускорили шаг, и Пейре со всей силы забарабанил в дверь. На секунду шум прекратился. Пейре толкнул дверь, и тут же мастерский удар в челюсть подкинул его в воздух, так что молодой человек, сделав сальто, грохнулся об пол.

На помощь ему пришел де Орнольяк, который был свален не менее мощным ударом в грудь. Пейре во все глаза смотрел на напавшего. Им оказался рослый светловолосый человек с красной потной рожей и осоловелыми от пьянства и ярости глазами. Больше в комнате никого не было.

Де Орнольяк попытался было подняться, но чудовище пнуло его ногой в живот, так что тот отлетел к стене, словно тряпичная кукла. В свете зажженного камина спутанные сальные волосы человека-дьявола отливали всеми цветами ада. Пейре осенил себя крестом, но чудовище не среагировало на этот знак. Бертран лишь подпрыгнул, намереваясь растоптать де Орнольяка, но тот успел откатиться в угол. Не помня себя, Пейре схватил с пола табурет и раскрошил его о хребет противника. Красные от злобы глаза Бертрана встретились с глазами

Пейре. Бурча что-то нечленораздельное и потирая увесистые кулаки, трубадур направился к молодому человеку. Пейре стоял как вкопанный, смотря в эти нечеловеческие глаза, глаза самого безумия и воплощенной ярости. Как вдруг их свет начал меркнуть. Бертран помотал головой, отер с лица светлые налипшие волосы и, чуть подняв голову, глядел теперь куда-то поверх головы Пейре.

Следуя за взглядом Бертрана, Пейре обернулся и заметил за своей спиной в просвете двери молодого человека в изящном голубом бархатном одеянии и в сером плаще, державшемся на огромной серебряной пряжке. Гость был полноват, со светлыми и уложенными прекрасными локонами волосами, рыжеватые усики и маленькая ухоженная бородка придавали его лицу ореол довольства и лени, к которой, по всей видимости, он был весьма предрасположен. Прозрачные рыбы глаза смотрели на сцену побоища почти что равнодушно и даже слегка надменно.

Пейре глотнул слюны и снова вперился взглядом в рожу Бертрана, в то время как за его спиной послышался тихий и повелительный голос.

– Эй, Бертран, оставь в покое мальчика. Если он обидел тебя, я с удовольствием отомщу за тебя, если же обидчик ты... В любом случае оставим это до завтра.

Бертран замотал головой, продолжая рычать. Пейре показалось, что сейчас противник сделает всего один шаг, да что там, дотянется своей огромной лапицей и сомнет его горло или вырвет сердце. Он почти что физически ощущал на себе липкий пот, струившийся с мощного тела трубадура, почти что чувствовал животный запах этого сошедшего с ума и теперь убивающего всех вокруг человека.

– Бертран, тебе необходимо отдохнуть и выспаться перед завтрашним турниром, – настаивал молодой человек за спиной у Пейре. – Не делай глупостей, дружище. Ты напился, я же трезв и в самой лучшей форме. На моей стороне все преимущества. Как бы ни было мне жаль – но, клянусь именем самой прекрасной донны на свете, госпожи моего сердца Мелиссины¹⁵, я убью тебя. И парень подтвердит, что сделал я это, защищаясь.

Бертран качнулся, прошел несколько шагов к столу, поднял с пола уцелевший табурет и сел. Молодой человек положил руку в перчатке на плечо Пейре.

– Мой юный друг, теперь нам разумнее всего уйти. Вепрь, конечно, усмирен, но оставаться здесь – удовольствие не самое изысканное. – Он подобрал с пола лютню и повесил ее на плечо молодого человека.

Бертран уронил голову на руки и захрапел.

– Но мой учитель, – запротестовал было Пейре. – Я не могу оставить его тут.

– Блистательный де Орнольак? – Незнакомец прошел в глубь комнаты и, склонившись над распростертым на полу трубадуром, потрогал жилку на его шее. – Ваш учитель мирно спит. – Он пожал плечами и вернулся к Пейре. – Не беспокойтесь, они с Бертраном старинные друзья. Вам же лучше отправиться домой и отдохнуть перед завтрашним турниром. Вы же, как я понимаю, – трубадур, и завтра мы сможем насладиться вашим пением?

Нежно обнимая Пейре за плечи, незнакомец вывел наконец юношу из комнаты Бертрана.

– Вам есть куда идти?

– Куда?.. – Пейре задумался. Он не помнил названия гостиницы, в которой они оставили свой скarb и в чьей конюшне стоят теперь их кони.

– Если вам некуда идти, можете переночевать у нас. Простите, я не представился, мое имя Джауфре. Принц Джауфре Рюдель¹⁶, сеньор Блайи и трубадур, отдавший свое сердце служению самой прекрасной даме на свете – графине Мелиссине Триполиийской, которой я поклоняюсь,

¹⁵ Мелиссина Триполиийская – первая внучка Раймона Сен-Жиля (четырнадцатого из «сыновей Гурсио»).

¹⁶ Джауфре Рюдель (*Jaufré Rudel*) (до 1113–1170) – провансальский трубадур. Как свидетельствуют «биографии» поэта, составленные в XIII веке, Рюдель был знатным человеком – князем Блайи, участвовал во Втором крестовом походе. С именем этого поэта связана одна из самых популярных легенд о возвышенной любви, которая нашла отражение в этом романе.

как самой мадонне, и к чьим стопам шлю я свои полные любовной скорби песни. К вашим услугам.

При слове «принц» Пейре чуть было не кинулся к ногам Джауфре, но тот вовремя остановил его, не то парень рисковал свалиться с крутой лестницы и погибнуть.

– Ну-ну, что за глупости – какая, в сущности, разница – принц ты или король. Один только Амур знает, кто из нас будет удостоен высшего блаженства, а кто – отвергнут и забыт.

Перед гостиницей принца ждали два хорошо одетых молодых человека, которые приветствовали его высочество и Пейре низкими поклонами. Один из них поспешил привести лошадей.

Наблюдая за ними, Пейре диву давался, как могли эти разодетые в пух и прах молодчики позволить принцу идти в дом, из окон которого явно слышались рычание Бертрана и звуки борьбы. Тем не менее никто из провожатых Рюделя даже не осведомился у него о том, что происходило наверху и что послужило прекращением бою.

Принц легко взлетел на вороного жеребца, приказывая жестом одному из своих спутников уступить коня Пейре, что тот не без ворчания и сделал. Пейре сел в седло и поехал рядом с принцем. В свете заходящего солнца дома и лавки казались рыжими. Повсюду люди закрывали ставни домов, слышались шаги и скрип телег, торговцы развозили по дальним складам не проданный за день товар. Одета в коричневое домотканое платье горожанка суетливо собирала высохшее за день белье. Один раз дорогу им преградил бодро возвращавшийся в казарму отряд тулузских лучников – все статные и в честь турнира подобранные под один рост. На самом деле отвечающие за порядок в графстве лучники не все были великанами, но во время праздников нести свою нелегкую службу в центре города, на турнире и на посту у врат в город должны были самые сильные и красивые воины. Пейре вспомнил, что завтра перед турниром они должны будут показывать свою меткость и удаль – красивое, наверное, получится зрелище. Заходящее солнце золотило кольчуги и нагрудники лучников. Сеньор Блайи тоже засмотрелся на стройные ряды, а может, он просто мечтал о своей возлюбленной госпоже Мелиссине, о которой, судя по всему, грезил и днем и ночью.

– Представьте, ваша милость, а хорошо выйдет, если поставить этих молодцов на городской стене и дать каждому на грудь по отполированному до блеска блюду? – неожиданно предложил один из спутников принца. Пейре обернулся и увидел, что оба они разместились на одной лошади, и один из них теперь грозит ему кулаком за доставленное неудобство.

– Да, это было бы достойное зрелище. Думаю, что свет от такого представления был бы виден за много лиг, – принц улыбнулся, его конь тронулся и затрусил по мостовой. – Я так и не спросил вашего имени, – чуть виновато произнес он.

– О, простите, как невежливо с моей стороны! – Пейре покраснел. – Мое имя Пейре Видаль. Но, ваша милость, возможно, вас ввел в заблуждение мой вид и то, что я был с господином де Орнольяком. На самом деле, – Пейре тяжело вздохнул, – я не дворянин и не рыцарь. Вот что я должен был сразу же сказать вам. И завтра мой первый поэтический турнир, на котором я либо...

– Понятно. Я уже сказал, что служу лишь высокому искусству и своей даме. Если вы, мой дорогой Пейре, достаточно искусны в пении и игре на лютне, если ваши стихи хороши – общаясь, мы могли бы обогатить друг друга духовной пищей. Что же касается вашего происхождения, то, поверьте мне, на завтрашнем турнире вы встретитесь со многими рыцарями, чьими родителями были крестьяне и простые горожане.

Он махнул рукой отставшим спутникам и свернул к огромной деревянной домине, над входом которой красовалась вывеска «Трактир Щит Прованса».

Принц со свитой занимали целый этаж, но наивный Пейре был уверен, что Джауфре Рудель путешествует только со своими двумя друзьями и занимает большую залу, куда его и привели. Вопреки заведенным в трактире обычаям ужин для принца подавался прямо сюда.

За столом рядом с его высочеством сидели оба его дружка – бледный длиннолицый Густав Анро и смуглый и шустрый гасконец Этьен Шерри, с которыми Пейре уже успел познакомиться, когда Рюдель пригласил его в гости. Джауфре предложил Пейре сесть по правую руку от себя, и пир начался.

Изысканная еда была разложена по блюдам и вместительным мискам, чего там только не было – гуси, утки, крошечный молочный поросенок, целая корзинка хлебов и, главное, вина. Их вносили в кувшинах и разливали тут же по кубкам с рисунками, похожими на крохотные лесенки маленького народа, которые поднимались по кубкам как по стенам крепости.

Судя по обилию еды и питья, Пейре ожидал появления других гостей, но никого больше не было, только слуги носились с новыми и новыми подносами. Проголодавшись за день, Пейре, тем не менее, старался не показывать этого, так как понятия не имел, как следует вести себя в обществе принца. Во всяком случае, он тут же намотал себе на ус, что Джауфре словоохотлив, но не любит, когда собеседники отвечают ему с набитым ртом.

Когда все наелись и напились, принц дал знак, и по кругу была пущена необыкновенно красивая синяя тяжелая чаша, которую рыцари встречали радостными воплями и ударами по столу. Эти крики и стуки, наверное, разбудили половину Тулузы, но Анро и Шерри уверяли принца и Пейре, что даже если они пробудили самого дьявола и тот придет потребовать от них тишины, оба доблестных рыцаря скорее проткнут в ста местах князя тьмы, чем позволят испортить их застолье.

Обойдя первый круг, синяя чаша вновь наполнилась вином, но теперь принц потребовал от сотрапезников, чтобы каждый из них взял в руки свой музыкальный инструмент и исполнил что-либо. После чего слуги внесли вызывающе красный монохорд шевалье Анро, старую-пре-старую цитру господина Этьена Шерри и светлую с золотыми украшениями и невиданными металлическими струнами трехструнную гитару самого принца.

При этом друзья Рюделя тут же начали умолять его сыграть и спеть первым, потому как, по их словам, целый день не слышать его божественного голоса и ангельских звуков его дорогой, сделанной английским мастером, гитары для них равносильно смерти.

Они так упрашивали принца, что Джауфре наконец сдался и, нежно рыгнув и отодвинувшись от полного объедков стола, заиграл и запел.

С первого же аккорда Пейре замер и опустил глаза, боясь чем-то выдать охватившие его чувства. Дело в том, что текст, который тщательно выпевал принц, был примитивен и настолько прост, что казался пошлым, вдобавок к этому его манера игры была вообще ни на что не похожа.

Рюдель словно специально избегал тех мест, где можно было развернуться со всей широтой, свойственной его прекрасному инструменту. Он не поднимался и не опускался, его музыка казалась плоской и невыразительной, как тупое полено, из которого мастер только собирался выточить что-то интересное.

Пейре почувствовал, как лицо его заливают краска стыда. Украдкой он посмотрел на Шерри, и тот сделал ему знак молчать и слушать.

Когда принц закончил играть, оба рыцаря начали стучать по столу, требуя продолжения и отказываясь петь свои несовершенные баллады после такого прекрасного исполнения. В один голос они предрекали Джауфре победу в завтрашнем турнире и готовы были упиваться за нее до первых петухов.

После Рюделя синяя чаша перешла к Густаву Анро, который спел чистым и красивым голосом балладу «О прекрасной даме», чем вызвал слезы умиления самого принца, вспомнившего в этот момент о своей таинственной возлюбленной, благородной и прекрасной даме Мелиссине.

Выступление Шерри тоже было довольно-таки милым. Гасконец разогнал привнесенную Анро тоску веселой и бесшабашной солдатской песенкой.

Когда синяя чаша дошла до Пейре, он уже знал, что будет исполнять. Пригубив ароматное вино, он нежно прижал к груди белую лютню и запел.

Голос Пейре был чистым, как ручеек, который журчал и звенел по горным кручам, сверкая на солнце, точно драгоценные росписи волшебных гномов. Он пел о красотах своего края, о солнечном свете, майских танцах крестьянских девочек, пел о том, как можно мечтать о любви, видя в каждой смотрящей с ночного неба звезде отражение небесной возлюбленной.

Когда Пейре закончил пение и в воздухе отзвенел последний аккорд, все молчали. Удивленный и испуганный реакцией своих новых друзей Пейре обвел взглядом убранный для трапезы зал и увидел множество слуг и служанок, должно быть пришедших во время пения, да так и застывших, подобно соляным столбам.

Первым очнулся принц. По его лицу текли слезы, прозрачные глаза были широко открыты, казалось, что он все еще наполнен чудесными звуками.

– Я слышал короля турнира! – произнес он. – Истинного короля трубадуров!

О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ ВСТРЕТИЛ ПОСЛАННИКА ИЗ ЗАМКА И КАКИЕ ТОТ ПРИНЕС ВЕСТИ

В тот вечер они еще долго беседовали о музыке, и Пейре даже попробовал поиграть на монохорде и гитаре. Как ни странно, немножко приладившись к незнакомым инструментам, он овладел ими и снова снискал успех.

Захмелевшие друзья улеглись спать на соломенных подстилках прямо на полу. Принц спал на специальном деревянном настиле, поверх которого были положены шкуры каких-то животных.

Пейре лежал ближе всех к двери и размышлял о своем успехе и завтрашнем турнире. Ему следовало разыскать учителя, переодеться и прибыть на турнир задолго до других участников, так как он рассчитывал свести знакомства с трубадурами и, может быть, перенять от них новые музыкальные или поэтические идеи.

Внизу слуги все еще шуршали, убирая посуду, подметая полы и закрывая двери. Пейре слушал их приглушенные голоса и думал о том, что для них он сейчас – благородный рыцарь, первый друг принца Рюделя и трубадур, голосом которого они до этого восхищались. Рядом с ним зашевелился Этьен Шерри. Пейре посмотрел в его сторону, трубадур приложил палец к губам и показал знаками, что желает, чтобы Пейре следовал за ним.

Вдвоем они выбрались из комнаты, спустились с лестницы, отодвинули дверной засов и, распахнув дверь, устроились на крылечке. Ночь выдалась прозрачной, так что небо было видно до самого его дна, и звезд на нем светило в десять раз больше обычного.

– Принц, конечно, не музыкант, – гасконец помотал головой, отчего его черные длинные патлы закачались словно диковинные подводные растения. – Но зато он поэт. То есть – поэт в душе и настоящий предсказатель. Клянусь спасением своей души, в жизни не видел человека, который бы чувствовал тоньше и вернее, нежели его высочество.

– Да, конечно, – Пейре сжал губы, боясь высказаться излишне резко насчет способностей столь высокочтимого сеньора.

– Ты не думай, что я или Густав злы на тебя за коня. Для нас лишь бы только принц был весел и здоров. А такое случается нечасто. Поэтому я сам буду молить моего господина и друга, чтобы он взял тебя к себе.

Пейре благодарно пожал руку гасконца.

– Одно только меня беспокоит, завтрашний турнир. – Этьен приблизил свое лицо к лицу Пейре и зашептал: – Я слышал, что правила изменились.

– Что вы имеете в виду? – не понял Пейре, по его спине пробежал предательский холодок.

– Принц может произвести довольно-таки приятное впечатление на турнире, когда ему будет позволено выступить одним из первых. Да так обычно и выходило. Но в этом году, я слышал, будет метаться жребий, и тогда все пойдет, как Бог решит.

– Что такое «жребий»? – Пейре чувствовал, как его начинает трясти, перед глазами все плыло.

– Имена участников будут записаны на специальных табличках и затем положены в мешок или сундук, откуда их станут извлекать попарно. Кто с кем выйдет вместе, тот с тем и будет сражаться. После первого тура проигравшие покинут двор любви, и их таблички будут выброшены из мешка. Второй тур – новые пары, и так далее, пока не останется последний, – он-то и будет коронован.

– Понятно, – Пейре облегченно вздохнул, и тут же гасконец дернул его за рукав.

– Понятно ему... Конечно, с твоими талантами, любезный Видадь, можно далеко идти, и принц не случайно заранее предрекает победу тебе. Но что будет с ним самим, окажись

он в паре, скажем, с... – он понизил голос, – с настоящим трубадуром? Думаешь, не позор будет, если сам Рюдель покинет двор любви после первого же тура? И имя его будет брошено в дорожную пыль на потеху голытьбы?

Пейре задумался. Только что новый приятель обещал ему протекцию и теплое место рядом с сюзереном Блайи, и теперь такое. Согласится ли Рюдель принять его после неминуемого позора? Если нет – значит, нужно будет искать других покровителей и сеньоров. Но еще больше, нежели страх за собственную судьбу, Пейре скорбел о той боли и разочаровании, которые должен будет испытать добрейший принц, спасший за несколько часов до этого Пейре жизнь, пригrevший его и одаривший своей высокой дружбой.

Сердце рыцаря билось в груди сына кожевника Пьера. И это сердце требовало от него любой ценой, даже ценой собственной гибели и позора, спасти Джауфре Руделя – трубадура и сеньора неведомой Пейре Блайи.

Давно уже Этьен Шерри видел сны на полу возле ложа принца, начал свою песню первый соловей, и тут же откуда-то из леса ему подпела сова. Пейре услышал стук копыт, черный всадник с факелом в руках въехал во двор гостиницы и спешился, легко скользнув из седла. Пейре поднялся, приветствуя незнакомца. Тот осветил свое лицо факелом.

– Не с одним ли из людей благородного Руделя я имею честь разговаривать? – вежливо осведомился посыльный. Пейре разглядел на его рубахе крест лангедокского герба, перевитый белыми розами двора любви Фуа.

Пейре хотел было растолкать Этьена или Густава, но передумал. В конце концов послание все равно пролежит до того времени, когда проснется сиятельный принц, передать же письмо дело не хитрое, с этим он мог справиться и без помощников.

– Скажите принцу, что мадонна Эсклармонда, пославшая меня, велела передать ему на словах: заведующий на поэтическом турнире этого года сундуком со жребиями зять графа Роже-Тайлефер подстроит все так, что его высочество окажется в паре с самим Бертраном де Борном! Мадонна в отчаянии! Но ничего уже нельзя сделать – пару часов назад Бертран появился в замке и потребовал, чтобы Каркассонский господин совершил этот бесчестный поступок, в результате которого Рюдель будет уложен в первом же туре! И с этим ничего нельзя поделать. Донна умоляет принца сослаться на какую-нибудь болезнь или старую рану и не появляться на турнире.

Произнеся все это, посланец торопливо вскочил в седло и, махнув Пейре на прощание факелом, поскакал прочь, будто за ним гналась стая голодных волков. Какое-то время молодой человек стоял точно громом пораженный. Что делать? Принц никогда не согласится отказаться от боя, а значит, будет повержен. Повержен, посрамлен, растоптан, унижен. Проклятый Бертран! Пейре был готов зарезать его. Но тогда он бы не услышал песен человека, которым восторгался весь Прованс! Пейре вернулся в комнату, где спал принц. Храповое трио разливалось по трактиру грозным гулом. Казалось, что от этих звуков должна дрожать земля и сотрясаться небесная твердь.

«Спаси принца, но как?» – Пейре перебирал в уме возможные варианты, но ничего не находил. Принца можно было напоить, но Пейре понятия не имел, сколько должен выпить благородный Рюдель для того, чтобы устроители турнира сочли извинительным его отсутствие.

Наконец Пейре осенила смелая идея. Он неслышно поднялся и взял со стола трехструнную гитару принца. Прекрасный инструмент приветствовал его гулом сделанных из воловьих жил и окруженных тонкой металлической канителью струн. Благоговейно Пейре поцеловал гриф инструмента и, опустившись на колени, попросил у гитары прощение за то, что он собирался сделать. А затем, подняв со стола забытый кем-то кинжал, осторожно надрезал одну из струн. При этом Пейре явственно ощущал адский жар, клекотавший у него под ногами. Ему начало казаться, что отец лжи смотрит теперь на него сквозь толщи земли. Да что там толщи, ад был куда как ближе к Пейре – предателю и погубителю прекрасной гитары. Ад клекотал у

него под ногами, подтачивая деревянный пол своими огненными языками, казалось, вот-вот земля разверзнется и юный трубадур провалится в самое пекло. По его лицу тек пот, Пейре плакал над гитарой и молил Бога простить его деяние и дать ему силы спасти благородного принца от грозящей ему опасности.

План Видаля был прост и по-детски наивен – таких струн, как на гитаре Рюделя, в Тулузе не было. А если и были, то их следовало еще поискать. Так что, когда бы Джауфре не обнаружил произошедшего, на турнире этого года он выступать не сможет, потому что не успеет.

О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ НЕ БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН НА ТУРНИР

В те далекие времена рыцари отличались галантностью и воинской доблестью, днем они упражнялись на мечах и копьях, охотились с собаками и соколами, а ночью сочиняли песни, прославлявшие прекрасных дам. Их сердца были нежны, точно притаившиеся под кольчугами голубки. Оттого рыцари были совершенно беззащитны перед любовью. Во всем они видели обещания нежной страсти и привязанности, залогом взаимности мог быть случайно оброненный взгляд или нечаянный жест. Рыцари таяли, сраженные в самое сердце лучезарными взглядами дам. И не было никакого бесчестия в том, чтобы пасть ошеломленным любовью.

Свои сердечные раны благородные рыцари прикрывали белыми розами, которые, сочувствуя их печали, становились ярко-красными. Время от времени друзья и свита могли слышать горестные стоны, вырывающиеся из благородной груди какого-нибудь несчастного страдальца. И стоны эти переливались в слова столь поэтичные и прекрасные, что пальцы уже начинали перебирать струны. И песня любви летела в высокие небеса, отражалась от звезд и попадала за крепостные стены, рана, в свою очередь, не менее чувствительные и открытые к любви сердца прекрасных дам.

О, Амур, Амур – великий бог, под чьими знаменами паладины любви приносили свои добровольные жертвы. О темное, расшитое крупными бриллиантами небо Прованса, на твоём черном бархате прописаны все баллады любви и страданий.

Соловей воспевает тебя ночью, бог Амур, единственный властелин вселенной. О, Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных. Помилуй и пойми, без любви нет сил жить, нет сил ждать даже твоего царства и справедливости. Любовью, и только ею, дышат травы и цветы. Любовь поднимает в небо птиц. Только любовь может служить основой для всего, что есть в мире, лишь ради любви можно пройти весь ад босиком и в веригах, во имя одной только любви!

Господи Иисусе, к милости твоей взываю, помилуй и пойми нас грешных...

Его высочество собирался явиться на турнир к началу, в то время как Пейре засобиравшись чуть свет. Он поведал о ночном посланнике друзьям принца, и те похвалили его за то, что он не стал будить Рюделя, чтобы сообщить ему дурную весть. Откланявшись и пообещав найти их на турнире, Видадь покинул свиту принца. Добравшись до гостиницы, где оставил Бертрана и де Орнольяка, но не нашел ни того, ни другого. Тревожное предчувствие сковало сердце Пейре: возможно, не стоило ему вчера уходить с принцем, оставив бесчувственного учителя рядом с его пьяным приятелем.

Но потом Пейре припомнил ночного посланника и рассудил, что коли Бертран соизволил ни свет ни заря пожаловать в замок, вряд ли его не накормили бы там и не уложили спать. Теперь Пейре жалел, что не спросил посланца о своем учителе. По утверждению отца, в замке де Орнольяка знала каждая собака, но даже если посыльный и не был знаком с Пропойцей лично, скорее всего, он ответил бы, приехал ли Бертран де Борн один или вместе с другим рыцарем.

Не зная, что предпринять, Пейре отправился на турнирное поле, где за большим столом перед раскрытыми книгами восседали трое вельмож, над головами которых были развешены щиты с разными гербами. По кругу располагались высокие трибуны, на которых к назначенному часу должны были разместиться зрители. Сейчас здесь было пусто. Расторопные служители в который раз подметали ристалище, утверждая посередине зеленую изгородь, разделяющую две дороги, по которым поскачут навстречу друг другу участники состязания. Где-то за трибунами нетерпеливо ржали лошади, слуги тащили тяжелое рыцарское снаряжение, еду и напитки.

Пейре уже бывал здесь с отцом, но обычно они приезжали вместе с другими зеваками к началу турнира и занимали места, предназначенные для низкого сословия. Теперь Пейре стоял перед турнирным полем, не зная, что следует предпринять и кого спросить о де Орнольяке.

В этот момент к столу подошел молодой человек, одетый в суконное грубое сюрко и поношенное блю. Он вежливо поклонился сидящим за столом вельможам и, приняв гордый вид, нарочито громко зачитал грамоту, на которой значилось имя его сеньора. Герольд сообщил, что его хозяин, участник Второго крестового похода, просит разрешения принять участия и в воинских забавах, и в состязании поэтов и трубадуров. Герольд выждал паузу и, подболевшись, бросил на стол грамоты. За его спиной слуги судачили о подвигах знаменитого рыцаря.

Пейре так и не уловил имени, уж больно оно было сложным да длинным, зато он заметил, как господа за столом почтительно поклонились герольду и, начертав на двух табличках имя, опять же с поклоном разложили их по ларцам. Рыцарский же герб, который герольд вместе с грамотами положил на стол, был тотчас отдан пажам. И те бросились прикреплять его среди других гербов.

После того как герольд отошел от стола, Пейре оправил одежду и, взяв в руки свою драгоценную лютню и незаметно перекрестившись, приблизился к графским регистраторам.

– Простите меня, досточтимые господа, – Пейре вежливо поклонился, на всякий случай держась в шаге от стола с книгами и готовый немедленно сделать ноги. – Мой учитель, благородный рыцарь и трубадур Луи де Орнольяк, обещал...

Пейре запнулся, не зная, может ли он – простолюдин – сказать, что рыцарь обещал что-то ему? За такую дерзость ему, пожалуй, могли отрезать уши или повесить на первом же суку. Тем не менее господа, казалось, не заметили ничего необыкновенного в словах молодого человека.

– Де Орнольяк! Ты слышал, благородный Амбруаз Ребо? Де Орнольяк здесь – а ты еще не записал его в свою книгу?

– Не записал, так запишу, – он поднял голову на Пейре, – спасибо, что предупредил, парень. Не беспокойся, от него грамот не нужно, а что до герба, то он у нас всегда наготове и даже повешен рядом с королевскими. Так что еще раз спасибо.

Пейре побледнел. Сановники, казалось, забыли про него, занятые своими делами.

Если де Орнольяк не подходил записать свое имя, значит, не записал и Пейре, то есть Пьер Видадь зря тратил свои деньги, а Пейре зря мечтал о славе первого трубадура и отважного рыцаря. Напрасно Луи де Орнольяк учил его искусству стихосложения и воинским премудростям. Все пошло прахом из-за старого Пропойцы.

Пейре заплакал, отирая рукавом слезы. День уже не казался ему столь прекрасным и волшебным, предстоящие турниры утратили свою привлекательность. Хотелось только одного – обратиться куда-нибудь, где не будет слышно барабанов и труб, возвещающих о начале турнира, о вызовах и появлении противников.

Вдруг кто-то дотронулся до его плеча. Пейре поднял голову и увидел возвышавшегося над ним Густава Анро.

– А мы-то тебя ищем, найти не можем, а ты вот где. Пойдем к принцу. Сегодня на турнирном поле и при дворе любви творится нечто примечательное. Так что, друг трубадур, смотри в оба и наматывай на ус. Думаю, что в самом ближайшем будущем об этом нужно будет петь. Тут уж не отговоришься, что проглядел самое интересное.

– А что интересного? – Пейре отвернулся, украдкой вытирая слезы.

– Как что? Турнир поэтов произойдет раньше рыцарского турнира! Каково?! В жизни такого не было, чтобы сначала пели, а затем бились. Но сеньор, зять сэра Раймона, Роже-Тайлефер получил нынче такое влияние на мнение королевы прошлого турнира прекрасной Бланки, ну ты понимаешь, – он выразительно поднял брови и скорчил шутовскую гримаску. – Так что она не смогла противиться и объявила, что поэтический турнир должен состояться раньше по той причине, что многие раненые рыцари позже не смогут сносно держать в руках музыкаль-

ные инструменты, а некоторые так и вовсе оказываются на несколько недель выведенными из строя. Можно подумать, что за них играть некому! – Он засмеялся и, обняв Пейре за плечи, повел его в шатер, разбитый у восточной стены специально для принца.

Но у шатра силы вдруг оставили Пейре, ему подумалось, что Рюдель обнаружил перерезанную струну и теперь верный Густав ведет его на расправу. Ноги молодого трубадура подкосились, и он упал бы, не поддержи его Анро.

– А ты, я вяжу, вчера перебрал, размяк, как струна в дождливый день? – он потряс Видаля за плечи.

– Учитель не записал меня на этот турнир, – Пейре еле ворочал языком, – так что, считай, что все пропало, благородный друг.

– Сочувствую. – Густав снял с плеча Видаля лютню, которая вдруг сделалась удивительно тяжелой, и повел молодого человека в шатер.

Принц сидел, облокотившись на расшитые подушки. Вероятнее всего, этот обычай он перенял у неверных, в землях которых воевал, и теперь демонстрировал свою привлекательную фигуру всем вокруг. Рядом с ним сидели два молодых человека, с которыми Джауфре вел душевную беседу. Густав уложил Пейре на старой холстине подальше от прохода и куда-то делся.

Время шло, прозвучал сигнал, свидетельствующий об окончании представления грамот для участия в турнирах. Пейре не отрываясь смотрел на бок прислоненной к стене шатра гитары, гитары, которой он – Видадь – нанес смертельное оскорбление.

Гости принца начали собираться, прихватывая с подушек свои музыкальные инструменты. Пейре сел, опасливо поглядывая в безмятежное лицо господина Блайи. Тот весело кивнул ему.

Напротив Видаля старый германец в кожаной безрукавке, надетой прямо на голое тело, и с заплетенными в косы волосами, натягивал тетиву на лук. Невольно Пейре залюбовался тем, как быстро и четко он справляется с этим не самым простым делом. Правой рукой германец брал лук посередине и зажимал его нижний конец ногой. Левая рука при этом брала лук за верхний конец и выверенным за много лет движением пригибала его ровно на столько, чтобы накинута тетиву.

Слуги входили и выходили, принося напитки и письма. Несколько раз в шатер забежали молодые привлекательные особы – вестницы крылатого бога любви, с посланиями от своих хозяек. Красоток принц щедро одаривал монетками и поцелуями. Наконец он скомандовал выгнать из шатра посторонних и велел слугам одевать его. Голубая роскошная одежда была вышита золотом и серебром, Пейре невольно засмотрелся на золотую перевязь и длинный алый плащ. В этом костюме принц выглядел божественно.

Одевшись, Рюдель махнул Пейре рукой и, перекинув через плечо гитару, вышел на свет божий.

Пейре плелся за своим новым господином, неся белую лютню и проклиная себя за совершенное преступление, из-за которого, несомненно, Господь прогневался на него, лишив возможности участвовать в турнире.

О ПОЭТИЧЕСКОМ ТУРНИРЕ И О ТОМ, КАК ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ СПАС ПРИНЦА ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЯ

Для поэтического состязания благородные хозяева турнира подготовили большой зал, в котором в разное время проводились тренировки и танцы. С душевным трепетом Пейре ступал по каменному полу самого древнего и красивого тулузского замка, оглядывая пеструю толпу разодетых и разубранных по такому случаю трубадуров. Многие из них, подобно славному Рюделю, были одеты по-светски, но чаще попадались такие, которые явились на поэтический турнир закованные в великолепную броню, отливающую серебром и золотом в свете зажженных факелов. При виде доспехов у Пейре перехватило дыхание и пересохло во рту, казалось, предложи кто-нибудь ему сейчас вызвать всех этих рыцарей на поединок, и Пейре бросился бы на них на всех вместе взятых с обнаженным мечом, за одно только право сорвать с убитого драгоценную кольчугу и надеть ее еще теплой на себя. Без доспехов юноша чувствовал себя, как, должно быть, должен ощущать себя человек, оставшийся без кожи.

О, чудесные доспехи богов и героев, отчего вы, подобно дочерям хозяев замков, достаетесь всегда не тем рыцарям? Пейре был красив, прямодушен и на редкость талантлив. В его груди билось чистое любящее сердце, которое изнывало без предмета любви и воинских подвигов! О жизнь, о несправедливость и тяжелый рок!..

Зачарованно Пейре взирал на длинные, словно скованные из крохотных колец прелестных фэй кольчуги, надетые поверх войлочных стеганых одежд, на боевые перчатки и обитые металлом сапоги и не понимал, отчего досточтимый принц, в свите которого он случайно оказался, не надел сияющего облачения воина, дабы показаться в нем перед, безусловно, обожающими его дамами?

Юному и неопытному Пейре было не понять желание рыцарей избавиться от тяжелой брони хотя бы на время поэтического турнира и танцев. Он не мог даже представить себе, как обливаются сейчас потом незадачливые вояки, желающие еще до начала рыцарского турнира выставить напоказ свои воинские доспехи и оружие, часть из которых была, безусловно, отобрана в честном бою у могучих и отважных противников.

Герольды-распорядители вежливо предлагали участвующим в турнире трубадурам занять предназначенные для них места, откуда они могли в мгновение ока попасть в центр зала, где следовало демонстрировать свое искусство.

Об этом рассказывали сразу же четыре красноречивых герольда, по одному в каждой части зала. Остальные рыцари, не участвующие в сегодняшнем соревновании певцы любви и именитые гости также были усажены и ублажены. За огромный дубовый стол уселись старый граф Раймон Пятый, его супруга Констанция, сын графа, тоже Раймон, его зять Роже-Тайлефер, племянница Эсклармонда де Фуа и разодетые в пурпур и золото господа и дамы. Божественную Эсклармонду сопровождали сразу шесть Совершенных, двое из которых восседали за судейским столом вместе с ней, остальные занимали специально приготовленные для них места на небольшом расстоянии от госпожи Фуа. Совершенный – должно быть, наставник – стоял за спиной молодого Раймона¹⁷.

¹⁷ Раймон VI (VIII) (27.11.1156—02.08.1222), граф Мельгейя в 1173–1190 гг. как Раймунд IV, граф Тулузы, Сен-Жиля, герцог Нарбонны, маркиз Готии и Прованса с 1194 г., был одним из крупнейших феодалов Лангедока в Южной Франции и одним из главных действующих лиц эпопеи, связанной с Альбигойским крестовым походом, с которого начался закат самобытной культуры Лангедока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.